

В.О. Бобровников, В.А. Дмитриев, Ю.Ю. Карпов

**ДЕРЕВЯННАЯ УТВАРЬ
АВАРО-АНДО-ЦЕЗСКИХ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА:
ПОСТАВЦЫ, СОСУДЫ, МЕРКИ**

Настоящая статья написана на материалах коллекционных собраний Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН (МАЭ) и Российского этнографического музея (РЭМ). Собрания двух музеев обладают репрезентативной коллекцией деревянной утвари аваро-андо-цезских народов Дагестана — объектов материальной культуры, которые не только выполняли утилитарные функции, но и являлись важными предметами интерьера горского жилища и помещались в его своеобразных сакральных зонах.

В качественном отношении коллекции упомянутых предметов МАЭ и РЭМ равноценны. В количественном же отношении собрание последнего намного обширнее, что обусловлено различием исходных целей двух учреждений и соответственно особенностями собирательской деятельности в МАЭ (в 1932–1991 гг. — Институт этнографии АН СССР / Ленинградская часть Института) и РЭМ (с момента основания — Этнографический отдел Музея императора Александра III, затем — Государственный музей этнографии народов СССР).

Собрание РЭМ по этнографии населения западных и центральных районов Дагестана в основном сформировалось в начале XX в. Первое поступление деревянной утвари относится к 1904 г. и связано с именем К.А. Иностранцева, который в числе прочих предметов привез из аварского селения Хунзах несколько деревянных резных солонок (колл. № 502) и ряд вещей из селений Андийского округа (колл. № 505). В 1910–1911 гг. А.К. Сержпутовский собрал большие коллекции по этнографии малочисленных народов Западного Дагестана; деревянная утварь входит в состав коллекций № 1896 (дидойцы/цезы) и № 2034 (каратинцы). Эти коллекции, вероятно, являются самым крупным собранием образцов материальной культуры дидойцев и каратинцев в России. От того же собирателя поступила деревянная утварь аварцев (колл. № 2025), бежтинцев (колл. № 1821), ботлихцев (колл. № 2026) и гинухцев (колл. № 1977), но уже в меньшем числе. В те же годы коллекция деревянной утвари была пополнена сборами А.Л. Млокосевич (колл. № 2262). В 1946 г. Е.М. Шиллингом была собрана коллекция утвари у аварцев селения Тидиб (колл. № 6507). В 1956 г. аналогичный материал из Аварии привезла Л.Ф. Виноградова (колл. № 6914). Деревянная утварь аварцев была в составе коллекции, подаренной в 1958 г. музею Т.П. Знамеровской (колл. № 8580). В последние годы ряд вещей поступил от отдельных лиц. Оригинальные образцы утвари были собраны в ходе экспедиции в Дагестан в 1988 г. Ю.Ю. Карповым и Е.Б. Кочетовой (колл. № 10741).

© В.О. Бобровников, В.А. Дмитриев, Ю.Ю. Карпов, 2006

Лучшие образцы деревянной утвари, ставшие достоянием РЭМ в начале XX в., были опубликованы А.А. Миллером; сведения о бытовании утвари были изложены А.К. Сержпутовским в одной из его печатных работ [Миллер 1927: 15–76. Табл. I–II; Сержпутовский 1916: 273–302].

В МАЭ соответствующие предметы появились в результате передачи музею Е.М. Шиллингом двух собранных им в Дагестане в 1945–1946 гг. коллекций (№ 5842 — сборы 1945 г., № 5997 — сборы 1946 г.), а также поступления начала 1970-х годов (№ 6700).

Общее собрание МАЭ и РЭМ предметов деревянной утвари народов аваро-андо-цезской группы, отличающееся разнообразием, качеством и количеством представленных в коллекциях предметов, является ценным источником для изучения различных сторон традиционной культуры населения этого чрезвычайно интересного в этнографическом плане уголка Кавказа.

Авторы настоящей статьи стремились проанализировать данные объекты материальной культуры в широком контексте их бытования в местной общественной среде. Статья состоит из трех частей. В первой (автор Ю.Ю. Карпов) изложены материалы к характеристике семиотического статуса поставцов — предметов для хранения вилок и ложек — и той категории сосудов, которые использовались для питья хмельных напитков. Во второй части (автор В.А. Дмитриев) представлены метрические характеристики мерок. Третья (автор В.О. Бобровников) содержит анализ надписей, которые нередко делались на подобных предметах быта.

1. К характеристике семиотического статуса предметов

Поставцы

В обстоятельной статье «Изобразительное искусство народов Горного Дагестана» Евгений Михайлович Шиллинг писал: «Назову один крайне любопытный предмет: это по-аварски так называемый “учалтан” (“вещь для хранения вилок”), являющийся чуть ли не самой традиционной вещью аварского и даргинского дома. “Учалтан” — вид висячего поставца с боковыми отделениями для вилок и ложек и средним — для хранения соли и мелких женских домашних вещей. Его задняя доска делается в виде большого очень декоративного круга, не имеющего никакого утилитарного назначения. “Учалтан” чаще всего висит на стене недалеко от очага в основной жилой комнате дома и считается там знаком семейного благополучия. <...> В некоторых случаях женщины считают, что продать или отдать кому-нибудь “учалтан” — это значит утратить счастье дома. Надо предполагать, что такая функция, как хранение ложек и вилок (и это, заметим, относится не к основной части предмета, а к небольшим боковым его приросткам), является поздним приурочением. Основная часть этого предмета — помещение для хранения соли (находящийся в центре сосуд или ящичек). Мне кажется также совершенно ясным значение “учалтана” как символа или атрибута домашнего благополучия, что соприкасается с пережитком древней религиозно-обрядовой стороны быта. Если к сказанному добавить, что только на “учалтанах” встречаются

ся хорошо распознаваемые изображения головы какого-то животного, то высказанное предположение приобретает еще большую устойчивость» [Шиллинг 1950: 73–74].

Е.М. Шиллинг описал один из четырех типов поставцов (авар. *guchIálmIam*), которые имели распространение в западных и центральных районах Дагестана в XIX — начале XX в. Данный тип в соответствии с его конструктивными особенностями называют кресловидными поставцами. Другие типы поставцов следующие: кубовидной или вытянутой по горизонтали формы, напоминающий амбар-*цаггур*; поставцы со спинкой, но последняя имеет иную форму и иной декор, чем у описанных выше; наконец, поставцы в виде горизонтальной доски с вырезами для ложек, которые, по замечанию П.М. Дебирова, «не представляют интереса в художественном отношении». Поставцы третьего типа были распространены в селениях даргинцев и частично лакцев. Остальные типы поставцов входили в атрибутику жилищ аварцев и андо-цезских народов. По наблюдениям П.М. Дебирова, кресловидные поставцы были характерны для селений общества Андалал (совр. Гунибский р-н); второй тип был распространен у багулалов и их соседей; четвертый тип — у аварцев современного Казбековского р-на. Следует отметить, что в Южном Дагестане поставцы не встречаются [Дебиров 1982: 66].

В собраниях МАЭ и РЭМ представлены поставцы первого и четвертого типов.

Кресловидные поставцы (МАЭ, № 6700–95, 96, 97 — Гунибский р-н, селения Бацада, Ругуджа, аварцы, начало XX в.; РЭМ, № 7055д–111д, 8947, 6113) представляют собой типичные образцы описанного Е.М. Шиллингом учалтана. «Изобразительный комплекс» таких поставцов, по словам исследователя, составляют: «В центре большой узорчатый соляного типа диск или круг, а с каждого его бока — голова животного». Вариантами подобного «комплекса» являются «диск и под ним в середине голова животного», «равноконечный крест», «изображения птиц

Поставец из аварского селения Бацада.
МАЭ. Колл. № 6700–95.

и рогов, увенчивающих диск» [Шиллинг 1950: 74]. Декоративное оформление поставцов из собрания двух музеев соответствует перечисленным вариантам. Это «солярного типа» круг, изображения птиц, рогов, креста, которые при изменении, часто существенном, деталей, явной направленности стилизации основных композиционных образов в сторону растительного и геометрического орнаментов (это наиболее отчетливо видно на примере трансформации «голов» животных и «рогов» в замысловатые фигуры или, наоборот, в простые зубчики) сохраняют «идейные» акценты предмета. Таковы остаются круг или диск, фигурки птиц, солярные знаки и роговидные отростки (правда, голова животного, которую Шиллинг выделял в качестве одной из доминант «изобразительного комплекса», практически не просматривается). Соответственно музейные экземпляры кресловидных учалтанов, демонстрируя примеры их изменений, определенно фиксируют, что в «резьбе, которой покрыта деревянная посуда, <...> имеется своя установленная оригинальная черта и в сюжетах композиций, и в трактовке их построения» [Башкиров 1931: 114].

Для того чтобы попытаться понять значение основных композиционных элементов поставцов, обратим внимание на их «роль» в убранстве жилища горцев. При этом следует отметить, что плотная застройка горного аула сводила почти на нет художественное значение фасада (который, впрочем, обладал простыми, но выразительными чертами), поэтому основное внимание при строительстве дома обращалось на создание художественного облика интерьера [Мовчан 1974: 28; Хан-Магомедов 1998: 39].

Убранство жилой постройки являло собой, по словам А. Башкирова, «целые ансамбли художественной резьбы в обширных помещениях древних домов». Резьба покрывала «монументальные столбы (колонны) со своеобразными капителями, <...> перегородки комнат, двери с косяками, ставни, наличники окон и мебель в виде больших сундуков, закровов для сыпki зерна, муки и т.п.» [Башкиров 1931: 113]. Особо тщательной резьбой были покрыты перегородки, центральные столбы и амбары-закрома цагъуры [Мовчан 1972: 131]. Поставцы-учалтаны, вероятно, несколько уступали им по своей символической значимости (хотя принципы их декорирования нередко совпадали с декором перегородок и амбаров — мотив аркады на лицевой стороне; см. № 6113, 7055д из коллекции РЭМ), однако они занимали в доме определенное место и уже это указывает на их далеко не утилитарные функции.

В своем описании учалтанов Е.М. Шиллинг фиксировал регламентированное размещение поставцов возле очага и выражение ими идеи семейного благополучия. О том же свидетельствовали и наблюдатели начала XX в., называвшие учалтаны «особенно любимым предметом роскоши и необходимости» горского жилища, «которые украшаются оригинальной живописью, весьма своеобразным примитивным рисунком» [Александров, Лобанов 1910: 169]. Имеются уточнения того, что поставцы вешали на стену справа от пристенного очага [Мусаева 1995: 68], но в любом случае их местоположение было возле очага/камина [Шиллинг 1993: 118–119, 191].

О размещении самого очага и о его типах существует информация, на основании которой можно говорить об изменениях планировки жилища.

Так, если в селениях андо-цезских народов в середине XIX в. и позднее пристенных каминов почти не было, «а вместо того раскладывают огонь в яме, вырытой среди сакли» [Львов 1867; см. также: Сержпутовский 1916: 281], то в первой половине XX в. камины стали там почти обычным явлением, хотя не всегда имели устойчивое местоположение [Шиллинг 1993: 52–53, 89, 138, 191]. Схожий процесс в это же время наблюдался и в аварских районах [Материальная культура 1967: 168, 171; Чурсин 1995: 10–11]. Превращаясь в камин, очаг обычно перемещался к наружной стене дома (имевшей дверь и окна; обычно он размещался между окнами) и становился ее зрительным акцентом. О жилище андийцев Е.М. Шиллинг писал в 1940-х годах: «Стена с очагом в некоторых домах выглядит особенно эффектно. Очаг сделан в виде ниши в стене. Над нишей имеется широкий дымоход — нечто вроде большого колпака, уходящего вверх. <...> Дымоход, его обрамление, боковые заваленки и выступы — все это выбелено и украшено лепным из глины выпуклым орнаментом, являющимся главным украшением жилой комнаты» [Шиллинг 1993: 52–53]. Примечательно, что в домах старой планировки, где очаг был открытым, одной из главных зрительных доминант наряду с главным столбом и амбаром-цагъуром являлась располагавшаяся напротив входа деревянная стена-переборка (посудная стена); «она, — писал Е.М. Шиллинг, — считается значительной материальной ценностью, что учитывается, например, в случае покупки или продажи дома» [Шиллинг 1993: 119, 188–189]. В подобных домах открытый очаг, как правило, располагался вблизи этой стены, т.е. по-своему завершал ее композиционное решение. О почитании же очага специально говорить излишне.

Таким образом, можно констатировать перемещение в реконструированных и вновь сооружавшихся в первой половине XX в. домах своеобразного центра жилого помещения с его атрибутами. Оформление пристенного очага начало заменять, а возможно, и заменило декор цагъура (да и сам он стал выходить из обихода в связи с новыми веяниями жизни), до этого вместе с главным опорным столбом помещения несшего основную символическую нагрузку, выражавшую идею благополучия дома и его обитателей. (Характерно, что орнаментированная лицевая часть перегородки и камина у аварцев имеет одно название: *гъумер* — ‘лицо’. В жилищах позднего типа это название сохранилось за стеной, на которой развешивалась посуда [Дебиров 1974: 101].) Вместе с декором камина поставцы стали знаковыми атрибутами «центра» дома. В известном смысле они явились новоизобретенным предметом, однако воспринявшим функции другого важного атрибута старого дома горца — солонка.

Деревянной утвари народов Дагестана в свое время была посвящена статья А.А. Миллера, в которой большое внимание уделено и солонкам [Миллер 1927]. Один из авторов настоящей статьи также писал о деревянных солонках населения Западного Дагестана, точнее, о наиболее оригинальном их виде — так называемых рогатых солонках. Последние имели характерные роговидные выступы, или «рожки», на крышке и там же посередине значительно выступавший плавных очертаний шип. Ни те, ни другой не имели функциональной обусловленности, но несли очевидную

семиотическую нагрузку, на поверхности которой — символика рогов. Однако конструктивные особенности и орнамент солонок позволяют сближать их и с антропоморфными скульптурными изображениями. В настоящем случае разные семантические линии не противоречат друг другу, но совмещаются, формируя некие симбиозные образы. Аргументация этого предположения изложена в специальной статье [Карпов 1998]. Здесь его резонно дополнить ссылкой на керамические антропоморфные солонки армян, которые, по мнению исследователей, завуалированно сохраняли образ древней богини плодородия, материнства и любви Анахит. Примечательно, что в ряде случаев образ богини имел зооморфные черты, точнее, голову рогатой коровы [Бдоян 1972]. Последнее покажется менее неожиданным, если учесть восприятие богинями древности символики коровы (рогатости), отголоски чего в кавказских этнографических реалиях нашли выражение в рогатых головных уборах женщин [Карпов 2001: 130–138].

Повторим, что учалтаны в известном смысле были новым предметом домашнего обихода горцев. Они включали элементы, для изготовления которых использовались новые технологии. Это, например, точеные на станке декоративные детали. То же относится к использованию красок, заменивших собой резьбу, и зеркальцам как элементам декора. Одно, другое и третье отражали веяния моды, активные изменения, происходившие в быту населения Дагестана во второй половине XIX — начале XX в.¹

Солонка из селения Тинди. МАЭ. Колл. № 5997–7.

¹ «Аварцы, — писал один из наблюдателей того времени, — большие любители зеркал: в домах у состоятельных нередко вся стена увешивается, как в магазине, зеркалами. У любого аварца в кармане зеркальце, в которое он любит поглядывать, покручивая свои усы» [Завадский 1903: 20–21].

Сказанное, вместе с тем, не отрицает того, что учалтаны являлись восприимчивыми традиционных солонок, в том числе «рогатых». Основная их полость предназначалась для хранения именно соли, и к ней были добавлены небольшие боковые отделения для ложек и вилок. Имеющиеся свидетельства о позднем распространении среди горцев этих столовых принадлежностей [Свечин 1853: 62] косвенно подтверждают связь учалтанов с солонками. На это же указывает и тип поставцов, распространенных у андийских народов (совр. Цумадинский, Ботлихский, Ахвахский р-ны, в которых в свое время изготавливались «рогатые» посудыны) и имевших только одно отделение для соли или ложек. Конструктивно они были близки оригинальным «рогатым» солонкам [Ср.: Дебиров 1966, рис. 223–224, 230–233, 235]. Учалтаны переняли от солонок «тело» — корпус, а также принцип и систему его декорирования, которые, в свою очередь, переключаются с формой и орнаментацией цагъуров.

Отличительной чертой поставцов из центральных районов Аварии, а также из даргинских и частично лакских селений было наличие высокой спинки, благодаря которой они получили название кресловидных. Спинка, равная и даже превосходящая по размерам «корпус» учалтана, преимущественно и создает образ предмета. Ее форма и декор являются зрительными акцентами. Если ящичек для соли украшают небольшие розетки, мотив аркады и др., то спинка в виде круга и занимающая большую ее часть розетка явно тяготеют к солярной символике, на что обратил внимание Е.М. Шиллинг. Он же отметил наличие зооморфных и роговидных стилизаций. В этом сочетании солярные знаки предстают ведущими, иные символы их дополняют. В ряду последних находятся и образ птицы (в композицию декора часто бываю включены фигурки двух птиц, заменяющих собой парные розетки). Его наличие в строе декора вряд ли случайно. Образы коровы и птицы часто совмещаются и взаимозаменяемы. На это указывают персонажи древних мифологий (например, богиня Исида, представлявшаяся с головой животного или соколицы), обозначение «рогатых» головных уборов женщин Кавказа и Европы «птичьими» терминами [Карпов 2001: 135–137]. Подобные факты косвенно склоняют к поиску антропоморфных стилизаций в учалтанах. И таковые, действительно, имеются.

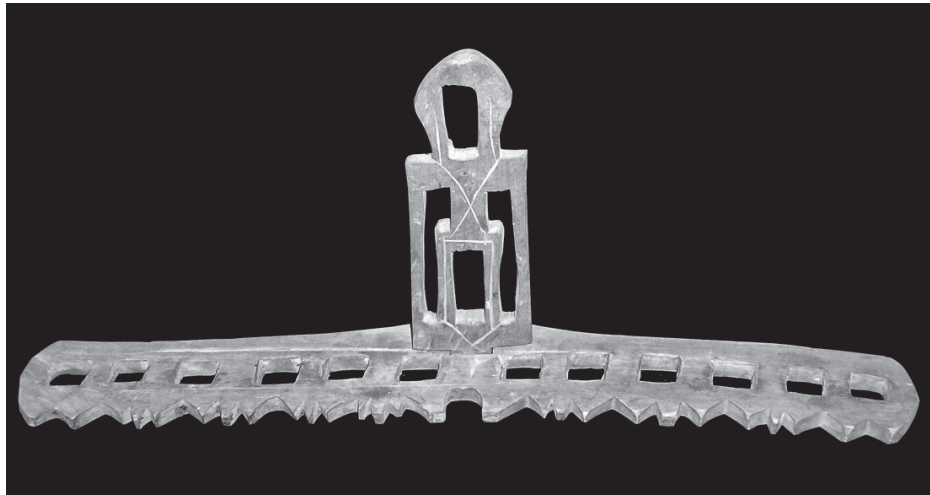
Одну из них нетрудно различить в поставцах из лакских и хваршинских селений [См.: Дебиров 1966, рис. 240; Народы России 1994: 384]. Стенки поставцов представляют собой фигуру, напоминающую плавно очерченную с сильно загнутыми концами букву Х с маленькой прямоугольной или ромбовидной «головкой» в верхней развилке (в головке находится отверстие для подвешивания поставца). Схожий орнаментальный мотив П.М. Дебиров усматривает в декоре ларей-зернохранилищ [Дебиров 1966: 66, рис. 324]. Любопытно, что близкие ему формы в украшении ларей-сундуков из горных районов Грузии некоторые исследователи склонны интерпретировать как знаки «супружеских пар» [Таварткиладзе 1965: 121–122]. Но более примечательно наличие антропоморфных стилизаций в том типе дагестанских поставцов, о которых П.М. Дебиров высказался как о не представляющих интереса в художественном отношении.

Ложкарница из селения Карата. РЭМ. Колл. № 2034–204.

Ложкарница из селения Карата. РЭМ. Колл. № 2034–206.

Ложкарница из селения Карата. РЭМ. Колл. № 2034–200.

Данный автор отметил, что поставцы в виде доски с вырезами для ложек бытовали среди аварцев Казбековского р-на. В коллекционном собрании РЭМ имеются 5 поставцов указанного типа (№ 2034–200, 202, 204, 206, 207), все привезены А.К. Сержпутовским из селений каратинцев в начале XX в. Помимо горизонтальной деревянной доски с прорезами эти поставцы, а точнее — ложкарницы, имеют вертикальную узкую фигурно вырезанную спинку. В большинстве представленных вариантов спинки явно стилизуют антропоморфные образы, часто совмещающие и астральную символику. Последняя усматривается в многоконечной фигуре, посредством которой в трех из пяти поставцов (№№ 202, 204, 206) конструируются «туловище» и «верхние конечности» «человечка». Ложкарница под № 200 не имеет двойных символик, предельно отчетливо передавая образ человека, близкий тем, что встречаются в местных памятниках петрографии и в бронзовой пластике. Зато в ложкарнице № 207 очевидна полная замена антропоморфных образов астральными и растительными символами.

Изображение антропоморфных фигур в целом не редкость для прикладного искусства народов Дагестана. Помимо упомянутых памятников древности и средневековья, они встречаются в декоре войлоков [Шиллинг 1993: 95], на надмогильных памятниках [Карпов 1994], в глиняной орнаментике каминов [Дебиров 1966: 65, 69]. В разных контекстах такие изображения могли иметь и имели особый смысловой оттенок. В настоящем случае для нас представляют интерес антропоморфные фигуры, включенные в декор каминов.

Опубликованные варианты декора не представляют репрезентативной выборки. Тем не менее решимся сделать некоторые обобщения и провести сравнения с декором интересующих нас поставцов. Антропоморфные изображения на каминах варьируют от вполне реалистичных [Дебиров 1966, рис. 33–5, 42–1] до крайне схематичных, в которых, тем не менее, видны известные стилизаторские приемы. Это уже упоминавшиеся X-образные

формы [Дебиров 1966, рис. 33–1, 3, 6; 39–6; 42–3 и др.], а также двойные антиподально расположенные фигурки [Дебиров 1966, рис. 42–6] и парные фигурки, располагающиеся одна над другой [Дебиров 1966, рис. 33–5].

Последние аналогичны антропоморфным изображениям на надмогильных памятниках, которые выражали идею «смерти как рождения», вечности и постоянной возобновляемости жизни². В конструктивных особенностях самого очага некоторые исследователи усматривают символику соединения мужского и женского начал, плодом чего, по их мнению, является огонь [Киквидзе 1988: 186–208]³.

В настоящем случае важно отметить «узаконенность» появления в орнаментике дагестанских каминов антропоморфных изображений, равно как астральных символов, изображений растений (мирового древа), птиц [См.: Дебиров 1966, рис. 34–8; 36–6–9; 38–1–5; 40; 41 и др.]. Судя по имеющейся выборке материалов, подобная декорировка была характерна для центральных и южных районов Дагестана, примеры из аварских селений единичны, а из андо-цезских — отсутствуют. И это не выглядит случайным. В последних камины стали атрибутом жилищ поздно, и, хотя заняли во вновь организованном пространстве дома место нового «центра» и начали определенным образом орнаментироваться (см. приведенное выше свидетельство Е.М. Шиллинга), естественным было перемещение вместе с ним и «традиционных» символов домашнего благополучия. При еще не успевшей сложиться практике орнаментации пристенного очага размещение возле него поставцов — преображенных «рогатых» посуды — в новых очертаниях воссоздавало ритуально-магический локус жилища (в домах «старой» планировки «рогатые» солонки, насколько позволяют судить отдельные данные, составляли с открытым очагом единый комплекс) [Карпов 1998: 11; Мовчан 1969: 54, рис. 3]. Одной из доминант этого локуса являлась в том или ином виде представленная антропоморфная фигура.

Естествен вопрос о природе такой фигуры. Общий расклад материала склоняет к поискам ее женского прототипа, ведь ведение домашнего хозяйства вменялось в обязанность женщине, она же была хранительницей домашнего огня. Однако поиски прообраза уводят в такую седую древность [Котович 1976: 64–65; Карпов 2001: 323 и след.], что до этнографической «эпохи» от него дошли предельно измененные отголоски. Согласно народным поверьям, попечителем дома обычно является змеевидное существо, правда, иногда обретающее вид женщины, которая обитает в центральном столбе жилого помещения [Халидова 1984: 106–107]. С очагом она, судя по всему, не связана.

У вайнахов есть образ Матери огня (чечен. *ЦIуна*, ингуш. *ЦIунагильк*) — доброго духа, дарующего людям горячую пищу, свет, тепло, достаток, благополучие, а также являющегося хранителем чистоты [Исламов 1973: 15, 17]. У народов Дагестана его аналоги неизвестны, хотя, вероятно, они и могли существовать.

² Такие изображения представляли сцену коитуса, а одиночные фигурки с характерными признаками — «расставленными ножками» — женскую фигуру [Карпов 1994: 112–113].

³ В самой конструкции очагов, обнаруженных в памятниках археологических культур древности, также просматриваются черты антропоморфности [Гаджиев 1990: 15–16; Кушнарера, Чубинашвили 1979: 164–165].

Зато рассмотренные предметы домашней деревянной утвари являются собой примеры «материального» запечатления образа, по-видимому связанного с божественной попечительницей домашнего огня и домашнего благополучия.

Сосуды: бокалы, чаши, емкости для бузы

В 1945–1946 гг. Евгением Михайловичем Шиллингом во время проведения полевых исследований в Дагестане — у аварцев, тиндинцев и багулалов — были собраны две коллекции деревянной утвари (МАЭ. №№ 5842, 5997), значительную часть которых составляют сосуды, использовавшиеся для хранения бузы (браги) и употребления этого хмельного напитка.

Опись колл. № 5997 была составлена сотрудником МАЭ М. Торэн, пояснения исследователя-собирателя к ней отсутствуют. В сопроводительных документах к колл. № 5842 имеется довольно обстоятельная записка Е.М. Шиллинга, озаглавленная «Этнографическая коллекция по Восточной Аварии», в которой содержатся заслуживающие внимания подробности о привезенных предметах.

В колл. № 5997 представлены два сосуда для бузы (№№ 1, 2; тиндинцы; Цумадинской р-н), которые, согласно первичной описи, могли также служить в качестве подойников. Сосуды однотипные, различаются размерами (высота сосуда № 1 — 24 см, № 2 — 18 см, диаметр верхней части сосуда № 1 — 18 см, № 2 — 15 см) и некоторыми деталями. Оба имеют форму бочонка без крышки с вытянутым носиком и расположенной по диагонали от носика ручкой. К сосуду № 2 приделана также дугообразная дужка из крученой металлической проволоки.

В этой же коллекции имеются рюмка для водки (высота 13,2 см, диаметр в верхней части 5 см) и два бокала для бузы (№№ 15, 16; высота соответственно 14 и 15,5 см, диаметр верхней части 7 и 8 см). Под № 12 значится «сосуд для жидкости и сыпучих тел (бузы, муки и пр.)» в форме высокой, немного приплюснутой по бокам кружки, выточенной из одного куска дерева. Данный сосуд имеет небольшой носик и ручку с тремя отверстиями для пальцев (высота 18 см, диаметр верхней части 9–11,5 см, диаметр дна 10–11 см). № 13 — чашка с ручкой (высота 4,5 см, диаметр верхней части 10–11 см).

Все указанные предметы были приобретены у аварцев общества Келеб (Кахибский, совр. Шамильский р-н Дагестана).

В колл. № 5842 представлены два сосуда (*гIорто*) в виде высоких кружек с ручками (№№ 5, 6; высота соответственно 19,5 и 21 см). Как пишет в сопроводительном документе о сосудах под № 5 Е.М. Шиллинг, «передняя часть корпуса по вертикали образует как бы килевидную грань», за счет чего корпус немного сплюснут; диаметр продольной части горловины сосуда (от ручки до «киля»-носика) 8 см, диаметр поперечный 7 см. То же и у сосуда № 6, соответствующие диаметры которого составляют 11 и 9 см. Особенностью сосуда № 5 является его декор — вертикальная желобчатая резьба, покрывающая все наружные стенки. Как пишет Шиллинг, подобные сосуды «теперь очень редки и в быту не используются. Местные жители говорят, что они служили для бузы, но более точных сведений о назначении и употреблении в памяти не сохранилось. Местная работа, по-види-

Сосуд гІорто из аварского селения
Тлярош. МАЭ. Колл. № 5842–5.

Бокал гІорто из аварского селения
Гочоб. МАЭ. Колл. № 5842–12.

тому, первой половины XIX в.». Сосуды приобретены в селениях Тлярош и Гочоб аварского общества Карах (Чародинский р-н).

Из селения Гочоб происходит и сосуд № 7 — гІорто, «по виду напоминающий молочник сплюсненной формы» (высота 15 см, диаметры 13 и 6 см), но который также служил и для питья бузы.

В этом же селении Е.М. Шиллингом были приобретены следующие предметы:

№ 11 — «стакан деревянный для бузы, современной местной работы. <...> Дно не вставное, а цельное. Резьба желобчатая и линейная» (высота 8 см, верхний диаметр 6–7 см);

№ 12 — «бокал (гІорто) деревянный, точеный, не имеющий подставки, дабы лицо, которому подносится такой сосуд, наполненный бузой, не могло поставить его на стол, не выпив. Редкий предмет старого быта, ныне не употребительный. <...> Предмет изготовлен, как говорят, на месте не менее ста лет назад» (высота 18,5 см, диаметр 10 см, толщина стенки в верхней части 1,5–2 мм);

№ 13 — «роговой» бокал (гІорто), точеный;

№ 10 — бокал (гІорто) в виде кружки. «Украшен выемчатой резьбой в виде желобков и окрашен в зеленый цвет. Дно вставное, закрепленное снаружи горизонтально вбитыми деревянными гвоздиками. <...> Время изготовления — 15–20 лет тому назад. Высота 12 см. Местная работа».

Тройной сосуд из аварского селения Гочоб.
МАЭ. Колл. № 5842–8.

Пожалуй, наиболее интересны в этой коллекции сосуды (*ghorto*) под №№ 8 и 9, представляющие тройной и двойной бокалы для бузы (*chlagla*). Относительно бокала под № 8 Е.М. Шиллинг записал: «Предмет сделан из одного куска дерева и имеет 3 вставных донца. Отделения соединены между собой двумя круглыми внутренними отверстиями. Высота 12 см. Общая ширина 16 см. Предмет старого быта, очень редкий и ныне почти вышедший из употребления. Местная работа, по-видимому, начала XX века». Конструктивное решение сосуда № 9 аналогично предыдущему лишь с поправкой на то, что он двойной, а не тройной. «Местная работа, очевидно, второй половины XIX века».

Таким образом, все сосуды обеих коллекций связаны с хранением и употреблением хмельного напитка — бузы.

Несмотря на принадлежность к миру ислама, чьи каноны запрещают употребление алкогольных напитков, в Дагестане была распространена своеобразная традиция бражничанья, а местные жители умели готовить вино и бузу (брагу)⁴. Лишь в период Кавказской войны, особенно в

⁴ «Довольно отличительная черта всех вообще лезгин (дагестанцев. — Ю.К.) есть преданность их к крепким напиткам» [История, география и этнография Дагестана 1958: 258, 297].

годы правления Шамиля, имамам благодаря строгим мерам удалось запретить пиры и приготовление напитков. Однако традиция не была разрушена, и уже вскоре после окончания войны и одни, и другое вновь стали атрибутами повседневной и праздничной жизни населения. По крайней мере, источники второй половины XIX в. характеризуют их именно так.

Склонностью к употреблению хмельных напитков в основном отличалась мужская молодежь, но и общественные застолья часто не обходились без них. Проиллюстрировать сказанное можно цитатой из работы лакца Абдулы Омарова, в которой дано описание застолья, устраивавшегося зажиточными хозяевами для приглашенных ими на полевые работы односельчан. «Мужчины садятся вместе с женщинами за одним столом; сначала все мужчины занимают места, а потом около них садятся женщины». Угощением в описываемом случае служили пшеничный хлеб, мясо, сыр, буза. «Хозяин сам и близкие его родственники обслуживают с обнаженными головами и с кувшинами в руках. Чашами служат бычачьи рога, которые быстро и безостановочно переходят из рук в руки. Первым выпивает сам хозяин и, указывая на кого-нибудь, произносит: “Да дойдет до тебя добро”. (Приветствие лаков при питье. Тот, к кому обращено оно, должен выпить и после указать на кого-нибудь таким же приветствием. Аварцы говорят: “Да будет добро”, и в ответ получают: “Да дастся доброе счастье”. Даргинцы говорят: “Да будет урожай”. В обычае не существует пить за здоровье чье бы то ни было). На это получает ответ: “Да останешься с добром”. Таким образом обозначается очередь для питья, и рог, опорожняемый быстро, возвращается к наполнившему его хозяину. Иногда какой-нибудь веселый красноречивый говорит обычную в таких случаях молитву следующего содержания: “Да умножится хлеб, чтобы можно было делать побольше буз; да увеличится вера, чтобы Бог нас любил; да увеличится богатство, чтобы люди нас любили; да будет урожай на хлеб и овец; да поможет Бог всему, что делаем; да будет благодать на все, что едим; дай, Бог, имущество позволительное (трудовое) и положение мусульманское; дай, Боже, силу в вере и ниспошли в смерти терпение; не лишай, Боже, веры в предсмертный час; да останутся враги наши завидующими нашему дыму; да останемся мы вместе с нашими друзьями, едя и выпивая; да будет урожай на хлеб ежегодно, а на пчел — через год, и всегда — на лошадей; да первенствуем над врагом мечем, а над другом хлебом; да дойдет добро до храброго молодца!” На последнее пожелание откликаются несколько голосов, с шумом перебивая друг друга и оспаривая титул *храброго молодца*. Первый, кто успеет откликнуться: “Да останешься с добром”, получает следующий рог. Женщины пьют мало; их упрашивают парни выпить, посылают к ним вышесказанное приветствие, но и в таких случаях, хотя рог принимается, он подносится только к губам, причем женщина отворачивается лицом в сторону» [Омаров 1870: 14–15; см. также: Омаров 1869: 42–43].

Это описание, относящееся к лакским районам, образно передает атмосферу застолий, их регламент, патетику произносимых тостов-речей, в нем упоминается и соответствующая посуда — кувшины и рога. Его своему дополняет другое описание «общественного мероприятия», кото-

рое в 1926 г. наблюдал в цезском (дидойском) селении Кидеро сотрудник МАЭ А.Г. Данилин. «Целый день до вечера шум и оживление в ауле. Из одного дома раздается особенный шум, пение, барабан и дикий звук зурны. Это хозяин — строитель дома — угощает всех, кто помогал ему. Битком набитая комната, сидели вдоль всех стен и толкались в сенях еще, главным образом малыши и женщины (женщины при нашем приближении, как всегда, моментально рассыпались кто куда и потом наблюдали с крыши). Стояли на полу посуда с бузой, на тарелках, которые держали на коленях, были сыр соленый и лепешки. <...> Прямо против входа были “музыканты”. Их игра нередко заглушалась неистовыми криками песни. Пели все и все же из разных углов выкрикивали поощрительные возгласы высоким визгом. Лица и глаза ясно показывали, что буза оказала свое действие. Стали угощать и нас. В одном углу группа молодежи, один из них держал ветки с нанизанными на ветвях несколькими скорлупами яиц (“meçir”). Это обычное явление, только нанизывают конфеты и пр. Я так и не получил объяснение этому. <...> Барабанщик без усталости, как автомат, колотит палками. Хозяин обносит всех бузой и яствами — лепешки, сыр, мясо, яйца. Барабанщику, чтоб не прерывать игры, дают пить; он пьет, не отрывая губ от кружки. Затем ему в рот кладут целое яйцо. Жует, не переставая играть. Разнообразие: входят на четвереньках ряженные — “медведи” в вывороченных шубах. У одного — маска из красной материи наподобие птичьего клюва (пеликана), и он непрерывно щелкал им. Они имитировали борьбу, валялись на полу и т.д.» [Очерк современного положения дидоев: 89–90 об.]⁵.

А.Г. Данилиным записан и рецепт приготовления бузы. «Насыпают мешки ячменя (расчет: мера ячменя на $1\frac{1}{2}$ ведра воды) (мера = 12 кг. — Ю.К.) и ставят в воду на 2–3 дня. Затем намокший в мешках ячмень прячут в солому, где он и прорастает на 3-й день. Проросший ячмень рассыпают на паласе на соломе, где он сохнет. Высохший ячмень мелют. К муке прибавляют толокно в отношении 1:2 $\frac{1}{2}$, варят в котлах и сливают в большой чан “homi”, где происходит брожение в течение 3 дней. Готовую бузу пьют не процеживая. Когда после свадьбы или празднования остаток бузы начинает бродить в чане, ее выливают в глиняные кувшины, в которых буза может продержаться в течение месяца» [Очерк современного положения дидоев: 33; см. также: Чурсин 1995: 14].

Цитированные авторы отметили, что распитие хмельных напитков происходило во время свадеб и праздников, устраивавшихся по завершении коллективных работ. Но в жизни населения центральных и западных районов Дагестана было еще одно общественное событие, точнее, общественное явление, которое обычно сопровождалось распитием бузы или вина. Это явление — регулярные сборы мужской части населения, членов мужских союзов, игравших значимую роль в быту и системе общественных связей горцев. Примечательно, что один из дериватов института мужских союзов у цезов (дидойцев), сохранявший свою функциональность и в первые десятилетия XX в., назывался *зерокьор*

⁵ Фотографии кидеринских ряженных, описанных А.Г. Данилиным, в том числе того, кто был в маске с «птичьим клювом», опубликованы: [Гаджиева 1985, табл. XIV–1, 2].

бахІру, что означает «вместе пьющие зéру» (*зéру* — местное название бузы).

Участниками зерокър *бахІру* были мужчины-борцы в возрасте от 18 до 35–40 лет. На весь зимний период, с октября по май, такая группа, состоявшая из 10 и более человек — жителей одного или нескольких близлежащих селений — жила в доме одного из сельчан. Борцы избирали своего главу, которого именовали *тамадой* или *лгараханом*, и он контролировал соблюдение установленного регламента совместной жизни. Почти все время борцы проводили в тренировках, общий дом они покидали лишь по пятницам для коллективного посещения мечети. Женатым разрешалось посещать семьи раз в месяц, а то и вовсе запрещалось. Мотивировалось это необходимостью сохранения и преумножения физической силы, которую каждый из них должен был продемонстрировать по завершении сборов — весной, когда устраивались многоэтапные состязания, выявлявшие лучшего борца всей Цунты (название этнической территории цезов, современный Цунтинский р-н). С той же целью пополнения силы борцы в основном питались мясом; перед началом сборов каждый их участник закалывал 3–4 баранов и приносил мясо вместе с другими продуктами в общий дом; мясом обеспечивала борцов и община. Силу укрепляло и зеру, поэтому в доме борцов постоянно находились две полные бочки этого напитка. Зеру, как и остальную пищу, готовили по очереди, либо этим занимались специально назначенные лица. Пили зеру по утрам по одной кружке емкостью около литра.

Зеру являлось неперенным атрибутом и другого варианта мужских объединений, бытовавшего в поздний исторический период у цезов, — на регулярно собиравшихся вечеринках мужской молодежи *сидар бахІру* [Карпов 1989: 142–143; Карпов 1996: 44–45].

В свою очередь, мужчины багулальских селений (совр. Цумадинский р-н), собиравшиеся на свои многомесячные сборы в «общий дом» (*гьоркьо рукь*) в обязательном порядке приносили по одной мерке (*кьали*) местной бузы *чІагІи*. Первую ночь совместной жизни они посвящали обсуждению организационных вопросов, в том числе избранию *хана* — главы такого союза и виночерпия *лгарахъана*, который следил за тем, чтобы в «общем доме» постоянно было надлежащее количество напитка, и распределял его между участниками сборов.

В течение всех зимних месяцев члены *гьоркьо рукь* держались особняком и в нетрезвом виде не показывались на улицах селения. Их пиршества проходили в соответствии со строго установленным порядком. Первый бокал всегда поднимал хан. Он же штрафовал участников сборов за вольные речи и поведение, выходившее за рамки принятого в их сообществе устава. В дом, где пировали мужчины, не могли входить женщины, за единственным исключением. Такое позволялось сделать матери или сестре убитого на чужбине односельчанина, в чьей семье не было мужчин, способных исполнить обычай кровомщения. Такая женщина приходила к мужскому «общему дому» с кувшином бузы и, не переступая порога, произносила фразу: «Кто поднимет кувшин?». Того, кто брал кувшин и выпивал напиток, хан торжественно назначал мстителем. Вызвавшееся лицо тут же оставляло «общий дом» и отправлялось преследовать убийцу [Агларов 1965: 212–213].

По информации, полученной в 1940-х годах Е.М. Шиллингом в тех же селениях багулалов, кровомстителем, согласно обычаю, мог быть тот, кто за один прием выпивал большой кубок вина [Шиллинг 1993: 166].

Обретение права на кровомщение через «поднятие» кувшина с хмельным напитком оттеняет инициационный характер переживаемого события. И он в полной мере согласуется с общим социальным контекстом института мужских союзов и их атрибута — мужских домов. В последних юношество, руководимое мужчинами старших возрастных групп, проходило школу возмужания, подразумевавшую те или иные виды испытаний.

Мотив испытания хмельным напитком или награждения отличившихся лиц особой чашей с оным запечатлен в фольклоре и в общественной практике других народов Кавказа — адыгов, абхазов, балкарцев, грузин-горцев, осетин. В древности осетины по поводу совершеннолетия юношей устраивали мужские пиры, на которых торжественно выпивались «волшебные напитки предков»: *ронг* — выпешший из употребления хмельной напиток, *багганы* (*æлутон*) — сорт пива. Там же в мужское братство принимались новопосвященные (мальчикам и на более ранних стадиях посвящения давали пиво, чтобы «заглушить запах молока»). Персонажи знаменитого эпоса «Нарты» являлись обладателями волшебной чаши Уацамонга, которая постоянно была наполнена вкуснейшим напитком и указывала героя, сама поднимаясь к губам наиболее достойного участника «ежегодных собраний» нартов в «мужском доме» Алагата. (Образ чаши нартов соотносим с легендарной чашей скифов.) Отголоском древних мифологем и эпоса в этнографических реалиях был обычай осетин преподносить лицу, имевшему особые заслуги перед обществом, почетный бокал или рог *нуазан* [Гаглойти 1990: 21–22; Дюмезиль 1976: 45–47; Милер 1881: 149; Чочиев 1985: 74, 83–84].

Подобные материалы определенно вписываются в традицию мужских союзов. Однако у народов Северного Кавказа они преимущественно запечатлены в фольклоре (а сами союзы не обрели устоявшихся институализированных форм) в отличие от Дагестана, где данный институт играл важную роль в общественной практике, тогда как сопутствующий фольклорный «антураж» в целом развит слабо [Карпов 1996]. В рамках же региональной традиции оба аспекта, обе формы ее проявления составляют единое целое, дополняя друг друга. Поэтому багулальский вариант обретения права на кровомщение напрямую соотносим с эпическим сюжетом осетин о награждении прославленного героя особой чашей с хмельным, «волшебным» напитком⁶. По-видимому, опосредованно связаны между собой и обычай осетин, согласно которому вступающие в брак юноши устраивали угощение взрослым мужчинам [Чочиев 1985: 68–69], и обычай аварцев удостоверить заключение брака разбиванием кувшина с остатками бузы или вина после коллективной пирушки мужской молодежи [Чурсин 1995: 39–40]. Точнее, оба обычая пребывали в одном социально-семантическом поле, и поэтому им были присущи однотипные содержательные акценты.

⁶ В собрании Российского этнографического музея хранится балкарская чаша для бузы емкостью 4,5 л. Согласно народным преданиям, подобную чашу с напитком «герой» должен был осушить в три глотка. Здесь же можно отметить, что горцы Грузии особой чашей награждали лиц, имевших заслуги перед обществом [Бардавелидзе 1957: 72; Харадзе, Робакидзе 1968: 144–145].

Мужские союзы горцев Кавказа имели прямую связь с традиционной культовой практикой, в которой им были отведены особые функции и особая роль в календарной обрядности. Мужская молодежь являлась организатором и отправителем обрядов, связанных с почитанием вегетативного божества; именно она ежегодно разыгрывала сцены его «умирания» и «воскрешения» [Карпов 1996: 149–226]. Упомянутые А.Г. Данилиным ряженные на пирушке — отголосок обрядовых функций мужской молодежи и образов, связанных с указанным культом.

У горцев Восточной Грузии, а именно — хевсур, культовая практика мужских союзов привела к формированию своеобразного религиозного института *хелосани*, центром жизнедеятельности которого являлось общинное святилище *хати* или *джвари*. Опуская подробную информацию о данном явлении (см. также: [Карпов 1996: 242–264]), в настоящей статье отметим следующее. В святилищах под руководством священнослужителей к праздничным пирам «сельского воинства» (*соплис джвари*) приготавливались водка и священное пиво. Пирывы проходили в строгом соответствии с установленным регламентом, в котором старшим — «чашедержателям» (*метасени*) и молодежи — «стоймя прислуживающим» (*зедамдегни*) — предписывались особые роли. Распитие священного пива включало несколько обрядов, в частности «учтивости и совести», «восхваления древних героев чашами», «воздаяния почести», «произнесения слова с чашей» и др. [Бардавелидзе 1957: 70–71].

Сами чаши могли представлять собой тройные бокалы на ножке, вырезанные из одного куска дерева и сообщавшиеся между собой посредством внутренних отверстий [Бардавелидзе 1957, табл. VI–8, 9]. По мнению В.В. Бардавелидзе, подобные чаши восходят к керамическому винному сосуду, известному жителям Восточной Грузии под тем же названием, что и винохранилище, — *марани*. Сосуды-марани представляли скрепленные между собой либо закрепленные на общей основе мелкие сосудики (до десятка и более), которые сообщались посредством трубки или отверстий. Марани и отдельные его части богато декорировались; горловина, через которую пили вино, могла иметь форму животного — оленя, барана, быка [Бардавелидзе 1957, табл. VI–1, 2, 5; Джавахишвили 1965, табл. 25–2, 27–2; Приудзе 1974, табл. 15, 19–1 (тройные сосуды из горькой тыквы)].

Прототипом грузинских сосудов марани, очевидно, являются сосуды типа *кернос*, которые рано появились в Восточном Средиземноморье, а в эпоху раннего железа через Иранское плато проникли в Закавказье [Погребова 1977: 94, 95].

Вместе с тем древности Кавказа знают не столь замысловатые по форме, как марани и кернос, но именно двойные и тройные сосуды. Это находки из раскопок памятников куро-аракской культуры в Грузии (III тыс. до н.э.) и датируемая тем же временем находка из Адыгеи. В эпоху раннего железа в памятниках скифского времени и кобанской культуры, а также позднее такие сосуды имели довольно широкое распространение в Закавказье и на Северном Кавказе (сводку данных см.: [Магомедов 1986: 44–45]). В Дагестане керамические сосуды рассматриваемого типа обнаружены в памятниках, датируемых второй половиной III — первыми веками II тыс.

до н.э. [Магомедов 1986: 42–44, 45]. В Осетии двойные сосуды являлись элементом погребального инвентаря с глубокой древности до позднего средневековья [Джатигов 1974: 26]. Весьма близкие к ним по конструкции керамические сосуды в относительно недалеком прошлом бытовали в Грузии [Бардавелидзе 1957, табл. VII–5].

Исследователи полагают, что описываемые сосуды являлись культовыми атрибутами, возможно причастными к колдовским гаданиям, ритуальным возлияниям и т.п. Само «изобретение» двойного сосуда связывают с обрядовой практикой скифов смешивать вина [Магомедов 1986: 47].

В этом случае нередко ссылаются на Геродота, который следующим образом описал сцену возвеличивания героев: «Те из них, которым удалось убить очень много врагов, получают по два ковша и пьют из обоих разом» (цит. по: [Латышев 1947: 270]). Известный осетиновед В.И. Абаев в перевод данного фрагмента внес примечательное уточнение: «Что касается тех, кто убил большое число врагов, то они пили одновременно из двух чаш, соединенных вместе» [Абаев 1990: 188]. Исследователь сделал недвусмысленную отсылку к известным археологическим находкам и к бытовавшим в «этнографическое время» предметам скорее всего обрядового предназначения. Насколько правомерно такое уточнение, должны оценить специалисты по надлежущим дисциплинам. С точки зрения этнографов, апелляция к легендарному народу древности выглядит по-настоящему заманчивой.

Но возвратимся к материалам Е.М. Шиллинга и привезенным им предметам. Сомнительно, чтобы вне поля зрения такого профессионального исследователя могли остаться действительно значимые детали, подобные указанным выше. Однако в составленной им описи предметов говорится лишь о том, что тройной, двойной и обычный бокалы из аварского селения Гочоб использовались во время общественных пиршеств. «На этих пиршествах (свадебных, праздничных) собирались многочисленные члены тлибилов (патронимий) и соседи. Происходили разнообразные шутки и забавы. Для питья бузы употреблялись замысловатой формы кубки и бокалы, подобные описанному (имеется в виду тройной бокал. — Ю.К.). Бывали так называемые штрафные бокалы. Штрафной бокал обычно вмещал большее количество бузы, чем нормальный (как, например, данный тройной бокал). Устраивались также шуточные судебные разбирательства, присуждавшие нарушителей правил поведения к различным пеням. Произносились остроумные тосты. К кругу таких обычаев (ныне частично сохранившихся на свадьбах) относится как описанный нами предмет, так и последующие за ним» [Шиллинг 1935: 4] (т.е. № 5842–9, 10).

Исходное предназначение двойного и тройного бокалов в качестве «штрафных» сосудов вызывает сомнения. По объему они значительно уступают кружкам, использовавшимся для питья бузы и также привезенным Е.М. Шиллингом. Очевидно в середине XIX в. функции составных бокалов стали забывать сами жители горных аулов, либо традиция их использования была сравнительно поздно привнесена в местную среду и не получила «идеологического», «мифологического» обоснования. Примеча-

Двойной сосуд из аварского селения Гочоб. МАЭ. Колл. № 5842–9.

тельно, что и сосуды-кружки, и бокалы всех видов обозначены в описи одним термином *гIорто*. В аварском языке слово *гIорто* означает сосуды цилиндрической формы — предметы домашней утвари без относительно материала, из которого они изготовлены. Лексема *гIорто* в качестве составной части входит в названия подойника, меры сыпучих тел [Аварско-русский словарь 1967: 202–203]. Для сравнения напомним, что у осетин почетный бокал имел специальное название — *нуазан*, а также отметим наименование бокалов и кубков в чеченской среде особыми терминами *кад* и *кедаш*, что значит «почесть», «уважение» [Даутова 1983: 85]. В рассматриваемом же случае отсутствие специального обозначения бокалов, по-видимому, подтверждает вышеизложенные предположения. Какое из них правильное, сказать трудно.

Можно лишь заметить, что, подобно другим известным фактам схождения в обрядовой и шире — в общественной практике народов Северного Кавказа, горцев Грузии и жителей Дагестана, в настоящем случае различия также не должны были быть значительными. Не исключено, что под влиянием ислама, начавшего укореняться в Дагестане раньше, чем в соседних областях региона, и произошли соответствующие изменения в традиции проведения общественных пиршеств, а также в отношении к их атрибутам, каковыми являлись чаши и бокалы.

2. Объемные характеристики деревянной утвари

Обширное собрание предметов деревянной утвари аваро-андо-цезских народов Дагестана МАЭ и РЭМ позволяет проводить достоверные статистические исследования. Подобные исследования являются одним из инструментов, которые дают возможность значительно пополнить источниковую базу для изучения народной метрологии.

Традиционная метрология народов Дагестана сравнительно хорошо представлена в различных публикациях. Однако, как часто бывает в таких случаях, преобладают данные об использовавшихся в прошлом в хозяйственном быту горцев мерах и весах, а также сведения о применении мер при выплате различных податей и налогов. Массовый же материал, формируемый предметами материальной культуры, при всей его информативности в метрологических исследованиях используется мало. Наш опыт позволяет считать, что анализ вещей, находящихся в музейных собраниях, особенно если он базируется на столь обширном, как в данном случае, материале, не менее полезен, чем исследование традиционной метрологии в полевых условиях. Насколько нам известно, метрологическое исследование подобного материала проводится впервые.

Изучение метрологии горцев Кавказа позволяет применять сложившуюся на практике исследования других регионов методологию, а также выдвинуть ряд предварительных замечаний. Последние касаются обществ горной зоны, слабо вовлеченных в рыночные отношения и в которых, в частности, утварь производилась либо в домашних условиях для себя, либо ремесленниками, тесно связанными с заказчиками. В Горном Дагестане тесные связи изготовителей и потребителей выражались в такой практике изготовления деревянной утвари, когда приобретаемые изделия представляли собой своеобразный «полуфабрикат», на которые узор наносили сами хозяева [Миллер 1927: 25].

Метрология утвари горцев отличается следующими особенностями. Во-первых, емкостные характеристики утвари являлись такими же важными для населения, как и ее функциональные или орнаментальные особенности. Во-вторых, емкостные характеристики превалировали над размерными настолько, что линейные размеры предметов имели меньшую важность по сравнению с их емкостью. В-третьих, емкости домашней утвари формировали систему, имевшую несколько градаций, но различия в объемах не являлись осознанными, о них можно судить по самим объемам и отчасти по терминологии утвари. В-четвертых, многие из домашних предметов были наделены функциями меры, одни из емкостей применялись в таком назначении неосознанно, другие являлись специальными мерками и обозначались специальными терминами. В-пятых, мерки были инструментом, благодаря которому весовые характеристики измеряемого вещества переводились и оценивались через категорию объема [Дмитриев 1987: 88–101]. Как известно из практики работы меновых дворов, организованных на Северном Кавказе и в Дагестане в XVIII–XIX вв., горцы предпочитали измерение объемом измерению весом [ЦГА Кабардино-Балкарии. Ф. 22. Оп. 1. Д. 414. Л. 1; ЦГА Чечено-Ингушской АССР. Ф. 231. Оп. 1. Д. 7. Л. 39; Ф. 191. Оп. 12. Д. 22. Л. 1–22]. В основе указан-

ных особенностей находится фундаментальный принцип традиционной метрологии — использование в качестве первичных эталонов очагов топологического пространства, моделируемых мозгом человека [Бернштейн 1976: 70].

Исходя из сказанного, в изучении метрологии деревянной утвари аваро-андо-цезских народов Дагестана мы сосредоточились только на их объеме. Измеренные объемы составили большую выборку, достаточную для статистической обработки. В выборку включены данные не только по утвари аваро-андо-цезских народов, но также и утвари других народов Дагестана. Подобное расширение материала было сделано для увеличения объема выборки, что делает расчеты более достоверными. Этнические различия в материале по метрологическим характеристикам не прослеживаются. Данные изложены в таблице 1 в порядке возрастания величины показателя и объединены в группы, представляющие вариацию физических объемов емкостей относительно нормативной емкости. Каждую такую нормативную емкость можно рассматривать как меру традиционной метрологии с присутствием ей границами неопределенности.

Таблица 1

№ пп.	№ Колл.	Функция	Объем, см ³	Категория объема, см ³	Народ
1	2034–157	Ступка	250	Менее 340	Каратинцы
2	2034–152	Ковшик	200		Каратинцы
3	6507–7	Дуршлаг	290		Аварцы.
4	2262–36	Ложка	25		Аварцы
5	502–26	Ковшик	260		Аварцы
6	8761–6103	Черпачок	50		Аварцы
7	1886–7	Чашечка	130		Дагестан
8	8580–5	Ковшик	120		Аварцы
9	2026–37	Ложка	50		Аварцы
10	1896–13	Ковшик	200		Дидойцы
11	1896–19	Чашечка	140		Дидойцы
12	1896–21	Кружка	240		Дидойцы
13	1896–22	Совок для теста	110		Дидойцы
14	1896–23	Совок для теста	100		Дидойцы
15	1896–24	Совок для теста	120		Дидойцы
16	1896–48	Чашка детская	200		Дидойцы
17	1896–75	Сосуд для жира	220		Дидойцы
18	11244–1	Чашечка	130		Лакцы.
19	2034–310	Двойная чашечка	170+140		Каратинцы.
20	8761–6102	Ковш	380	340–410	Аварцы
21	2026–16	Солонка с боковыми контейнерами	370		Ботлихцы
22	10741–25	Ступка	370		Аварцы
23	1896–17	Чашечка	360		Дидойцы
24	1896–18	Чашечка	340		Дидойцы
25	5842–7 МАЭ	Кружка	300		Аварцы
26	5842–10 МАЭ	Кружка	280		Аварцы
27	2034–160	Ступка	350		Каратинцы
28	2034–161	Ступка	360		Каратинцы
29	2034–164	Кружка для воды-«шегу»	380		Каратинцы
30	2034–158	Ступка	450	450–800	Каратинцы
31	5842–5 МАЭ,	Кружка мерная «Гюрто», служила также для питья бузы	510		Аварцы
32	2026–10	Ступка	500		Ботлихцы

№ пп.	№ Колл.	Функция	Объем, см ³	Категория объема, см ³	Народ
33	2034-220	Миска	550		Каратинцы
34	5842-27 МАЭ	Мерка подвесная с петлей	450		Аварцы
35	502-23	Кубок	610		Аварцы
36	11364-31	Чашка	680		Лакцы
37	1977-3	Ковш	750	750-880	Гинухцы
38	5842-6 МАЭ	Кружка мерная-«Гюрто», служила также для питья бузы	750		Аварцы
39	2034-7	Кружка мерная-«Гюрто»	760		Каратинцы
40	7425-19	Мерка-кружка для муки	750		Лакцы.
41	1896-46	Миска-«моры»	800		Дидойцы
42	2034-1	Сосуд «Гюртоли»	800		Каратинцы
43	2034-4	Сосуд «Гюртоли»	800		Каратинцы
44	2034-313	Кубок	800		Каратинцы
45	1896-73	Солонка	810-820		Дидойцы
46	2034-154	Ковш	800		Каратинцы
47	11098-4	Сосуд для соли и сыра	830		Тиндийцы
48	2034-41	Солонка-«оул»	850	850-1190	Каратинцы
49	2034-155	Совок	880		Каратинцы
50	2034-80	Отделение сосуда	880		Каратинцы
51	2034-84	Солонка (?)	925		Каратинцы
52	2034-34	«Гюрто», солонка (?)			Каратинцы
53	8761-6195	Мерка	1000		Дагестанцы
54	11076-25	Поставец кресловидный	1000		Лакцы
55	5997-12 МАЭ	Сосуд-мерка	1025		Аварцы
56	2034-39	Сосуд «оул»	1070		Каратинцы
57	2034-71	Ящик-солонка	1090	1080-1350	Каратинцы
58	2034-309	Сосуд для соли	1120		Каратинцы
59	2026-17	Кружка мерная-«муд»,	1150		Ботлихцы
60	1896-12	Ковш для бузы-«хук»	1180		Дидойцы
61	5997-9 МАЭ	Солонка рогатая	1200		Аварцы
62	2034-60	Сосуд «оул»	1220		Каратинцы
63	8761-5242	Солонка	1250		Каратинцы
64	2034-5	Кружка «Гюртоли»	1250		Каратинцы
65	6914-22	Поставец кресловидный	1270		Аварцы
66	1896-173	Кружка мерная «муд»	1300	1280-1540	Дидойцы
67	1872-67	Сосуд мерный «касри»			Гинухцы
68	2025-3	Сосуд мерный «Сахь»			Аварцы
69	2034-52	Сосуд «оул»	1300		Каратинцы
70	5997-18МАЭ	Сосуд для жира	1340		Аварцы
71	2034-38	Сосуд «оул»	1350		Каратинцы
72	8303-19	Сосуд для соли — мерка	1350		Кубачинцы
73	2034-83	Сосуд для соли рогатый	1350		Каратинцы
74	2034-321	Кружка для бузы — «шату»	1400		Каратинцы
75	2034-81	Солонка	1440		Каратинцы
76	5997-6 МАЭ	Солонка рогатая	1460		Аварцы
77	2262-40	Двухчастный сосуд	1505 x 2		Аварцы
78	7705-5	Мерка	1560	1530-1730	Лакцы
79	2034-80	Отделение сосуда	1630		Каратинцы
80	2034-31	Кружка мерная «Гюрто»	1680		Каратинцы
81	2034-37	Сосуд «оул»	1680		Каратинцы
82	8761-6101	Ковш	1750	1730-2100	Аварцы
83	8580-22	Поставец кресловидный	1820		Аварцы

№ пп.	№ Колл.	Функция	Объем, см ³	Категория объема, см ³	Народ
84	5997–2 МАЭ	Сосуд для бузы	1840		Тиндинцы
85	1886–12	Солонка	1870		Аварцы
86	2034–55	Солонка рогатая	1890		Каратинцы
87	2034–10	Кружка мерная «Гюрто»	1910		Каратинцы
88	11021–25	Солонка	1980		Лакцы
89	7705–2	Мерка	2020		Лакцы
90	2034–3	Сосуд «Гюртоли»	2160	2100–2400	Каратинцы
91	10741–27	Мерка-«Гюрто»	2200		Аварцы
92	2034–44	Солонка «рогатая»	2200		Каратинцы
93	6700–82 МАЭ	Сосуд	2200		Аварцы
94	2034–29	Сосуд «Гюрто»	2270		Каратинцы
95	2034–59	Сосуд-«оул»	2280		Каратинцы
96	8761–6194	Кружка мерная	2300		Дагестанцы
97	2034–306	Поставец кресловидный	2300		Каратинцы
98	10741–28	Поставец кресловидный	2370		Аварцы
99	2034–32	Кружка мерная «Гюрто»	2400		Каратинцы
100	5842–29 МАЭ	Сосуд (мерка для соли)	2430		Аварцы
101	2034–58	Солонка рогатая	2440	2435–2855	Каратинцы
102	2034–2	Сосуд «Гюртоли»	2500		Каратинцы
103	7705–2	Мерка	2570		Лакцы
104	2034–265	Кувшин	2620		Каратинцы
105	5842–4 МАЭ	Сосуд с крышкой	2655		Аварцы
106	2034–45	Солонка «рогатая»	2670		Каратинцы
107	8580–1	Мерка	2670		Кубачинцы
108	2034–37	Поставец кресловидный	2670		Аварцы
109	8303–56	Мерка «саг»	2680		Кубачинцы
110	2034–50	Солонка рогатая	2750		Каратинцы
111	5842–20 МАЭ	Мерка-солонка	2790		Аварцы
112	2034–49	Сосуд «оул»	3080	2800–3300	Каратинцы
113	2034–46	Кружка «оул»	3100		Каратинцы
114	8761–6049	Мерка	3470	3335–3835	Кубачинцы
115	5997–17 МАЭ	Мерка с петлей	3500		Аварцы
116	2034–70	Солонка	3540		Каратинцы
117	5842–14 МАЭ	Солонка	3750		Аварцы
118	2034–62	Солонка	3830		Каратинцы
119	11021–24	Мерка-«Ганнул тлакъа»	3920	3850–4215	Лакцы
120	8761–6193	Кружка мерная	4000		Дагестанцы
121	10741–27	Мерка «Гюрто»	4000		Аварцы
122	7705–1	Мерка	4010		Лакцы
123	2034–30	Кружка мерная «Гюрто»	4240		Каратинцы
124	8761–6113	Поставец кресловидный	4300	4300–4810	Лакцы
125	2034–26	Кружка мерная «Гюрто»	4360		Каратинцы
126	10741–26	Мерка-«Гюрто»	4400		Аварцы
127	7705–4	Мерка	4500		Лакцы
128	2034–67	Ступка	4790		Каратинцы
129	8761–6048	Мерка	4800		Кубачинцы
130	7705–1	Мерка	5700	5420–5970	Лакцы
131	2034–54	Солонка рогатая	6100	6100–7000	Каратинцы
132	2034–19	Кружка мерная «Гюрто»	6500		Каратинцы
133	2034–68	Сосуд «цале»	6710		Каратинцы
134	8761–7055	Поставец кресловидный	6760		Дагестанцы
135	2034–72	Сосуд «цале»	8400	8350–9650	Каратинцы
136	2034–88	Сосуд «цале»	9300		Каратинцы
137	7705–3	Мерка	9300		Лакцы

Общий объем выборки является достаточным, чтобы выделение групп произошло при первичной группировке материала. Естественно, что часть наблюдений оказалась принадлежащей двум соседним группам. Для устранения этого явления и установления различия между группами были рассчитаны пограничные значения показателей для каждой из групп. Для этой цели был применен статистический t-критерий Стьюдента, оценивающий достоверность различий между средними по группам. Необходимо оговориться, что применение данной статистической методики не является вполне корректным ввиду небольшой численности наблюдений в отдельных группах, но допустимым при максимальном увеличении доверительных интервалов. Рассчитанные границы групп в целом совпали с границами реальных групп, а в большинстве случаев между пограничными значениями присутствует интервал, что свидетельствует о различии между группами. Данный факт мы трактуем как доказательство различия между группами и, следовательно, между мерами традиционной метрологии, а также целенаправленности достижения емкости, выраженной отдельной мерой. Для характеристики этой меры были рассчитаны средние по каждой группе. Четкость различия между группами мы трактуем как показатель развитости данного варианта традиционной метрологии.

Вместе с тем имеет место наложение групп в той части последовательности, где находят малые значения емкости. Очевидно, в этой части больше сказывается неопределенность меры.

Следующим этапом было вычисление структурного модуля, т.е. единицы, повторяющейся в величине каждой меры, и кратности его применения. Структурный модуль совпал с величиной меры, имеющей малое значение (но не самое малое). Рассчитанные данные приведены в таблице 2.

Таблица 2

Границы группы	Средняя по группе	Величина структурного модуля	Кратность применения модуля
340–410	375± 6	375	1
450–800	575± 25	383	1,5
750–880	803± 11	401	2
850–1190	1020± 24	340	3
1080–1350	1215± 38	405	3
1280–1540	1400± 18	350	4
1530–1730	1650± 11	412	4
1730–2100	1914± 23	383	5
2100–2400	2263± 20	377	6
2435–2855	2645± 37	378	7
2800–3300	3080± 30	385	8
3335–3835	3585± 38	398	9
3850–4250	4035± 47	403	10–11
4300–4810	4556± 51	380	12–13
5420–5970	5700± ?	380–407	14–15
6100–7000	6670± 58	392	16–18
8350–9650	9000± 128	409	22–24

То, что величина размерного модуля совпала с величиной первой меры, указывает на то, что эта величина является базовой мерой. Ее значение колеблется от 340 до 412 см³. Рассчитанная средняя величина по данному разбросу составит 381 ± 10 см³.

Неопределенность меры объясняется несколькими причинами. Первая состоит в специфике народных мер, которые отличаются неопределенностью по своей природе, к тому же обычно в каждом селении все меры приводились к собственному эталону, отличавшемуся от принятых у соседей. Вторая причина заключается в том, что мерный сосуд использовался для измерения объемов разных веществ — муки, соли, зерна, а также жидкостей, поэтому несколько мерок, близких настолько, что принадлежат к одной объемной категории, могли быть различными, чтобы объемы разных веществ приводить к равному весу. Так, вес соли по отношению к объему должен быть увеличен в 1,3 раза, вес муки уменьшен в 1,5 раза, вес крупы, фасоли уменьшен на 10–15 %.

Неопределенность базовой меры в нашем случае ведет к тому, что, несмотря на наличие статистически обоснованных границ между группами, некоторые из них должны быть преодолены. Так, крайние величины объемов второй группы (кратность 1,5) могут быть признаны принадлежащими первой (кратность 1) и третьей (кратность 2) группам, сама же вторая группа должна быть сохранена. Во второй группе остаются объемы от 610 до 800 см³. По этой же причине должны быть слиты попарно группы 4 и 5 (кратность 3) и группы 6 и 7 (кратность 4). Таким образом, образуется система мер объема, образованная повторением модуля при кратности, соответствующей натуральному ряду чисел. В результате мы можем сопоставить меры, отраженные в деревянной утвари из нашей выборки, с мерами традиционной метрологии народов Дагестана, известными по другим источникам.

Прежде чем обратиться к системным мерам, обратим внимание на то, что в выборке присутствует утварь, имеющая объем меньше базового. Это несколько кружек, маленькие ступки, скорее всего для растирания чеснока с солью, небольшая солонка. Несомненно, мы имеем дело с группой утвари и посуды, использовавшейся для непосредственного приготовления и потребления пищи. В этой же группе присутствует маленький ковшик, имеющий два отделения (РЭМ, № 2034–310), объемом 170 и 140 см³. Аналогичная посуда в культуре осетин, абхазов, грузин и народов Дагестана трактуется как емкость для совместного распития жидкости побратимами. Известен также и такой вариант применения чашки-двойняшки, когда она служила для питья людям, вместе отправившимся в путь. Очевидно, емкость каждого отделения имеющегося в нашем распоряжении ковшика соответствует нескольким глоткам (скорее трем) партнеров, которые передавали его друг другу, так как одним глотком выпить содержимое «своего» отделения, не вылив жидкость из «другого», не смог бы ни один из них. Объем же «одного глотка» близок к объему ложки, которые также присутствуют в данной группе выборки.

Трудно говорить о соотношении объемов группы домерных емкостей с какими-то известными мерами. Можно лишь говорить о сопоставимости

их с двумя видами весов, имевшими очень широкое применение. В первую группу входят самые стабильные меры веса на Востоке — *мискал*, или *золотник*, а также *дирхам*, которые не могли иметь широкого применения в быту, оставаясь мерами ремесленников, в первую очередь ювелиров, и торговцев [Хинц 1970: 11–17]. Вторая мера, широко применявшаяся в Дагестане, в том числе при взимании налогов, соответствовала весу одного куриного яйца и имела повсеместное применение [Хашаев 1961: 258]. Объемовес куриного яйца был общепринятой малой мерой веса предметов среди населения Северного Кавказа и Дагестана [Маргграф 1882: 85]. Согласно данным грузинской метрологии, мера *кверцхи* — куриное яйцо — равнялась 50–60 г [Джапаридзе 1973: 165]. Современные кулинарные пособия вес яйца оценивают от 45 до 65 г [Петербургская кухня 1994: 49].

Базовая мера, как было вычислено выше, находится в пределах 340–412 см³. Ей соответствуют за небольшим исключением различные кружки с ручкой; об одной из них (РЭМ, 2034–164) в сопутствующей документации указано — кружка для питья воды. Внимание особо привлекли несколько предметов, объемы которых не точно соответствует базовой мере, а являются близкими к ней. Они находятся в собрании МАЭ. Кружки 5842–7, 5842–5, 5842–6 имеют вертикальные ручки с двумя или тремя отверстиями для пальцев. Такую черту мы склонны считать характерной приметой мерной кружки. На двух из них присутствует рифленый орнамент (5842–5, 6), а также элементы моделирования деталей, свойственных металлической посуде, как, например, имитация соединения стенок с донцем, выполненным из медного листа. Скорее всего они подражают медным кружкам, представляя собой варварскую имитацию медных мерок, выполненную с неизбежным в таком случае искажением емкости. Подражание в деревянных изделиях металлическим образцам, по данным из нашей выборки, доходит до курьеза. В собрании РЭМ находится выточенный из целого куска дерева аварский кубок (№ 502–23), в поддоне кубка находится имитация резьбового соединения, которое могло быть у только у металлического прототипа с отдельно крепящимся донцем.

Сосуд-мерка для соли.
РЭМ. Колл. № 2034–46.

В числе емкостей с базовым объемом присутствуют также круглые сосуды, в задней части венчика которых вырезана фигурная петля для подвешивания (например, МАЭ № 5842–27). Подобные сосуды обычно имеют большие размеры, их основной функцией было хранение соли, эти сосуды вешались недалеко от очага. Круглые цилиндрические сосуды с петлей мы также относим к категории мерок.

Базовый объем (340–412 см³) напрямую связан с широко применявшейся единицей измерения веса, известной под различными названиями, в том числе интернациональными: *литра*, *ратль*, *гирванка* и *фунт*, примерно равными 400 г. Литра рассматривается как мера, являющаяся восточным наследием римско-византийского фунта в 327,4 г. и со временем увеличившаяся в размере [Джапаридзе 1973: 165]. Гирванка, которую обычно сопоставляют с русским фунтом, была известна на Северном Кавказе, в Дагестане, Азербайджане, Грузии [Аутлев, Алибердов 1968: 101; Булатова 1971: 80; Хинц 1970: 34–39; Гаджиева и др. 1967: 53; Гулиев 1977; Джапаридзе 1973: 71; Тотоев 1964: 167; Кауфман 1906: 60–88; Устюгов 1946: 309]. У горских евреев города Куба мера в 400 г жидкости называлась *тыриска*. В мусульманском мире ратль демонстрировал разброс от 337 до 2200 г, в основном существуя в границах 406,25–625 г [Хинц 1970: 34–39]. Сильно отличался от классического даргинский *ратлал*, равнявшийся 6 фунтам, но в данном случае термин был применен совсем к другой мере. Из близких мер упомянем еще грузинскую *нуки*, в позднем средневековье эволюционировавшую от 320 до 680 г [Джапаридзе 1973: 73]. Данный пример может служить свидетельством того, что в горах Кавказа до распространения русского фунта местная мера была меньше 400 г. Значимость меры, близкой к 400 г, проявляется в том, что от нее производились меньшие и большие кратные меры. В примерах из этнографии различных народов Кавказа мы часто встречаем упоминания о кружках, размером в 0,5 современного литра. В Дагестане после утверждения в нем российской власти появились меры, равные доли фунта, например одна четвертая фунта, обозначаемая термином, производным от русского слова четверть. Но известно, что доли в половину и четвертую часть базовой меры существовали и раньше, например даргинская *бъяхал гилавка*, равная примерно 200 г, и *вакье*, близкая к 100 г [Гаджиева и др. 1967: 53]. По другим источникам, *вакье* равнялся полутора фунтам [Хашаев 1961: 257].

Емкости, содержащие две базовые меры объема, в нашей выборке представлены сосудами различной функции, среди которых присутствуют мерные кружки. В этой группе впервые встречаются сосуды, называемые *гортולי*, составляющие наиболее крупную совокупность утвари в собрании РЭМ. Описи РЭМ, правда, по отношению к более обширным сосудам указывают на то, что данный термин применяется к мерным емкостям. В Дагестане мерки в две единицы объема обычно приравнивались к одной четвертой *сахы*. В то же время известно о существовании в Дагестане меры, равной полутора фунтам, что тоже может быть равным четверти сахара [Хашаев 1961: 257].

В группе утвари, имеющей емкость, равную трем единицам объема, присутствуют все категории утвари, включая солонки, в том числе рога-

тые, и поставцы. Главной особенностью группы является то, что здесь впервые фиксируются сосуды с названиями, обозначающими мерки, соответствующие принятым единицам измерения. В документации РЭМ относительно сосуда «муд» (РЭМ, № 2026–17, емкость 1150 см³), привезенного из Ботлиха, указывается, что *муд* является единицей измерения сыпучих и жидких продуктов. Дидойская мерка муд (РЭМ, № 1896–173) имеет объем 1300 см³. Канонический *муд*, принятый в мусульманской метрологии, составляет 1,053 л [Хинц 1970: 56]. Наряду с сосудом (кружкой) под таким названием в группе представлены мерки *касри* (№ 1872–67) и *сах* (№ 2025–3). В последнем случае, очевидно, термин обозначает не известную и широко применявшуюся единицу измерения, которая должна быть больше объема в три базовых единицы, а то, что данный сосуд являлся именно меркой. В собрании РЭМ находится грузинская мерка *касри* — кружка с ручкой объемом около 860 см³ (№ 872–67), т.е. содержащая две базовые единицы объема. Как мера, *касри* известна в Кахетии и Хевсуретии. Единицы измерения, равные 1,2–1,4 кг, т.е. близкие к тем, которые содержат три или четыре базовых единицы объема, известны в метрологии аварцев (*якџия*) [Аварско-русский словарь 1967: 399], даргинцев (*шигарт*), арчинцев (*йархун-нлош*), лакцев (*щияртлу*) [Гаджиева и др. 1967: 53; Сергеева 1967: 48]. Татский *чарак* содержал 4 *гюренке*, т.е. 4 фунта, что, по мнению современных информантов, составляет 1,5 кг.

Сах являлся мерой объема зерновых продуктов с достаточно расплывчатым весовым содержанием. По ряду публикаций, посвященных этнографии народов Дагестана, величина этой единицы указывается различно. Аварский *сахI* равнялся 2,5 кг, или 6 фунтам [Аварско-русский словарь 1967: 457; Хашаев 1961: 260]. В Унцукуле *сахI* был равен 6 фунтам, термин применялся к мерке; если обозначалась единица весо-объема такого же размера, употреблялся термин *ятIгал*, 6 *ятIгал* составляли один *дубхъ*. Бежтинский *сагъ* бытовал в пределах 2,5–12 л. У лакцев *сах*, равный четверти кумухского фунта, состоял из 7,5 *гилванка* [Булатова 1971: 79]. У лакцев Балхара *сах*, по данным Е.М. Шилинга, имел вес 2,5 кг [Шилинг 1936: 3–27]. Лакцы Кумуха пользовались мерой *датял*, или *парозул сах*, равной 7,5 *гилванка*, или 3 кг [История Дагестана 1968: 179]. Даргинский *сах* существовал также в широких пределах от 2,5 до 12 л [Гаджиева и др. 1967: 53]. Основная мера сыпучих тел объемом в 3 кг была известна агулам, у лезгин она носила название *киле*. У осетин и чеченцев *сах* был около 8 фунтов (3,2 кг), на Северном Кавказе *сах*, как правило, был известен как мерный деревянный совок для зерна или муки. *Сах*, как известно, являлся одной из наиболее известных мер мусульманской метрологии. По сводке В. Хинца, канонический *сах*, принятый в исламском мире, был равен 3,2 кг пшеницы или 4,2125 л воды [Хинц 1970: 59]. *Сах*, как меру объема, принято определять через *ратль*, в Дагестане принимаемый за 6 фунтов [Хашаев 1961: 260]. В исламском мире эта мера имеет расширительное толкование, что сказывается в разнообразии локальных трактовок меры. Таким образом, *сах* мог содержать от 6 до 8 базовых объемов.

В нашей выборке размеру *сах* соответствуют три группы объемов (21000–2400, 2435–2855; 2800–3330 см³), но в них только одна мерка

Сосуд-мерка. РЭМ. Колл. № 10741–27.

имеет такое название, что не препятствует считать остальные сосуды соответствующего размера емкостями, содержащими объем сах.

Сах являлся системной мерой, входящей в набор деревянных мерок $\frac{1}{4}$ сах, $\frac{1}{2}$ сах, 1 сах, несколько сах. По данным описи РЭМ, относительно мерки *муд* (№ 1896–173) имеется примечание, что существует мерка киле, вмещающая 5 сах или 4 муд, что близко по объему двум русским *гарнцам*. Один гарнец равен одной восьмой четверика, или 3,2798 л [Шостьин 1990: 269]. По этим данным, муд составляет около 1,64 кг, а сах — около 1,32 кг.

Объемы и веса, начинающиеся с 6 единиц, могли быть связаны с мерой *батман* [Хашаев 1961: 256]. Обычно батман все же был больше: у даргинцев — 7–12 фун-

тов, в Южном Дагестане — от 13 до 19 фунтов, и даже до 33 или 80 фунтов, но присутствует упоминание о батмане, бытовавшем в прошлом в Тарковском шамхальстве и равнявшемся 3 русским фунтам [История, география и этнография Дагестана 1958: 149; Материальная культура даргинцев 1967: 190]. По данным метрологии народов Северного Кавказа, батман известен как мерка для зерна большого объема. На Востоке *батман*, или *манн*, выступает в сильно изменчивом виде, но всегда в качестве торговой меры [Хинц 1970: 25–32].

В качестве меры входившей в систему, где участвует сах, называется и *саба*, мерка значительно большего размера [Хашаев 1959: 75]. Расчеты показывают, что саб был равен весу от 18 до 24 кг, последнее значение представляется наиболее вероятным. Мерки такого размера упоминаются в описаниях хозяйства населения Кавказа, но практически не представлены в музейных собраниях. Легко заметить, что саб и сах различны по величине настолько, что их следует отнести к меркам различного порядка. Сах являлся меркой домашнего потребления, а саб — торговой меркой. По материалам этнографии народов Северного Кавказа возможно проследить систему, в которой существовали мерки, имевшие объем, кратный весу в 8 кг с шагом в половину этой величины: 8, 12, 16, 24, 32 кг. В такую систему легко были включены и мерки в один пуд (16 кг), заимствованные у русских. Мерки в 8 и 12 кг были не только торговыми, но и использовавшимися для измерения зерна при посеве [Абаев 1958: 635; 1961: 97, 99–100, 108, 615–616; Аутлев, Алибердов 1968: 101; Далгат 1929: 353; Карачаевцы 1978: 283; Чибиров 1970: 45; Чиковани 1979: 70–71].

Мерки различных емкостей.

Ложарник-сосуд для соли РЭМ. Колл. 8761–6113.

В нашей выборке, очевидно, такой посевной меркой является самая большая по объему мерка (РЭМ, № 7705–3), привезенная из Лакии.

В аварских селениях посевной мерой был объем кожаного мешка *къали* или эквивалентной ему мерки из другого материала. Как показывают материалы собрания РЭМ, мешки *къали* достигали 15–20 сах. По другим сведениям, *къали* имели объем, начинавшийся от 5 сах, что, по-видимому, мало вероятно. Мы так считаем потому, что *къали* — это мешок гораздо большего размера и существует упоминание о мере *къолонигъаб*, составлявшей одну треть *къали* и имевшей вес около 5 кг [Аварско-русский словарь 1967: 288]. Мера в 5 кг известна у бежтинцев под названием *ятГал*, или *годол*. К такому же весовому эквиваленту приравнивается и *киле*, мера, известная в южном Дагестане [Хашаев 1961: 258]. Эти данные убеждают в существовании меры, близкой к 5 кг веса, в объемном исчислении она, возможно, соответствует утвари емкостью в 12–13 или 14–15 базовых единиц. До этой меры существуют бытовые сосуды и мерки, использовавшиеся в домашнем хозяйстве, выше — мерки для зерна, фруктов и пр., имевшие применение в первичном производстве и торговле.

Можно говорить о мерной функции большинства бытовой деревянной аварской утвари из числа той, которая попала в наше распоряжение. Собственно мерками являются цилиндрические сосуды, имевшие либо фигурную петлю для подвешивания на задней стенке, либо ручку с 2–3 отверстиями для пальцев. Подобную ручку имеют также большие мерки, применявшиеся для измерения объемов зерна или при продаже (выплате податей) сельскохозяйственных продуктов. У последних иной функции, кроме мерной, нет. Мы склонны считать мерками и кружки, имевшие базовую емкость 340–412 см³ и близкие к ней параметры. Мерные сосуды обнаруживают соответствие объемно-весовым единицам измерения, известным на Кавказе и — шире — на Востоке, — гирванка-фунт, муд и сах, причем большие мерки имеют емкость, кратную саху. Сам же сах имеет очень широкую трактовку. Данное обстоятельство, наряду с фактом воспроизводства в деревянной утвари металлических образцов, может трактоваться в качестве характеристики горной Аварии как своего рода периферии развитой метрологической провинции, притом что и на периферии мерность утвари соблюдалась достаточно строго. Мерность распространялась и на сосуды прямоугольной формы: сосуды для жира, солонки, поставцы-ложкарники и пр., которые не являлись и не могли являться мерками, но делались с учетом исполнения в гирванковом или саховом эквиваленте.

3. Мерки с надписями

Кроме резного орнамента на деревянной утвари из Дагестана встречаются характерные надписи в арабской графике. Несмотря на кажущуюся простоту и чуть ли не грубость палеографического оформления, краткость содержащейся в них информации, эти тексты представляют большой интерес. Они отражают целый пласт быта, религиозных, общественных и правовых устоев горцев-мусульман XIX — второй трети XX в. До сих пор этот пласт аваро-андо-цезской культуры не привлекал особого внимания.

Поэтому надписи на деревянных предметах из фондов петербургских музеев не только не описаны, но даже не переведены. Их содержание никак не отражено в описаниях коллекций. В музейных легендах не обошлось без путаницы; иногда следы обработки дерева или узоры принимались за арабскую вязь⁷. Надписи на деревянных предметах из Горного Дагестана в музеях Москвы и Махачкалы также еще не введены в научный оборот.

В этом разделе мы попытались дать палеографический и историко-этнографический анализ арабографичных надписей. Не задаваясь целью выявить и описать все надписи, содержащиеся в коллекциях петербургских музеев, мы ограничились краткой характеристикой их палеографических особенностей, функций предметов и тех историко-этнографических сюжетов, на которые они выходят. Самая крупная коллекция деревянной утвари Северо-Восточного Кавказа ныне хранится в Российском этнографическом музее. Даже беглого осмотра ее в декабре 2001 г. было достаточно, чтобы выбрать четыре характерные арабские надписи XIX—XX вв. Кроме них в работе использованы два текста в арабской графике из коллекций МАЭ.

Все рассматриваемые в данной статье тексты происходят из Горного Дагестана. Четыре из них относятся к аваро-андо-цезским районам: три сделаны в Восточной Аварии (уже охарактеризованные выше предметы из коллекции Е.М. Шиллинга, привезенной из селения Гочоб, — МАЭ № 5842–20, № 5842–21; и предметы из собрания РЭМ: коллекция Т.П. Знамеровской — № 8580–1, коллекция А.К. Сержпутовского из селения Карата — № 2034–60). Как можно видеть на примере надписи 5842–21, в арабских текстах из этих районов нередко встречаются и фразы на аварском языке, задолго до XX в. ставшем своеобразным *lingua franca* аварцев, андийских и цезских народов. Остальные две анализируемые надписи относятся к знаменитому не столько дерево-, сколько металлообработкой селению Кубачи (вещи из колл. №№ 8761/6049 «д» и, возможно, 8303–56 в РЭМ).

Обратимся сначала к самим надписям. По возможности они расположены в хронологическом порядке и описаны по единому плану. Для каждой надписи приводится перевод, указаны ее тип (владельческая, декоративная), техника нанесения на дерево, материал, место и дата изготовления (точно или приблизительно), вид почерка и его палеографические особенности, тип и функции предмета, на котором находится текст, точное место нахождения надписи на предмете, историко-этнографические реалии, отраженные в тексте надписи.

Надпись № 1 (РЭМ, № 2034–60)

لبزان

Перевод: «Лабазан»

⁷ Такие же ошибки встречаются и в описаниях предметов из камня и металла. Например, в коллекции, собранной Е.М. Шиллингом в 1945 г. и хранящейся ныне в МАЭ, трещины на белом камне с навершием надгробия в аварском селении Голитль были ошибочно приняты за процарапанную арабскую надпись. См.: [Опись колл. № 5842: 8].

Это врезная владельческая надпись на поставце (карат. *о́зол*), сделанном из древесины горной сосны в селении Карата. Возможно, данный сосуд служил также меркой для муки и зерна. Надпись состоит из одного слова «Лабазан». Вероятно, это имя владельца поставца или сделавшего ее мастера. Оно грубовато процарапано характерной скорописью, за которой на Восточном Кавказе и в науке утвердилось название дагестанского *насха*. Одна из характерных особенностей этого почерка, встречающаяся также в текстах, записанных на бумаге, — вытягивание завершающей дуги конечного *нун*'а в прямую линию, в результате чего эта буква изображается также как и *за* в середине и в конце слова. Слово написано на наружной стороне «пузатого» поставца у самого горла. Под словом и над ним простой геометрический узор, образованный из расположенных в шахматном порядке солярных знаков (кресты, вписанные в круг восьмилепестковые розетки) и линий, вписанных в треугольники. Само изделие и надпись на нем можно датировать второй половиной XIX в. или самым началом XX в. Сосуд входит в коллекцию, собранную в 1911 г. у каратинцев сотрудником музея А.К. Сержпутовским⁸.

Заслуживает внимания имя Лабазан. В XIX в. оно отмечено не только у каратинцев, но и у других андийских народов Северо-Западного Дагестана. В частности, так звали одного из знаменитых *наибов* Шамиля, поставленного им управлять его родным селением Анди в 1840 г. Интересно отметить, что в ряде писем Шамиля последний назван не Лабазаном, а Рамазаном [Рукописный фонд. Ф. 16 (арабские письма). Оп. 1. № 1914, № 7882; Абдурахман из Газикумуха 1997: 376–40а, 796; аль-Карахи 1990: 100–101, 26]. Вероятно, Лабазан Андийский пытался при-

⁸ Подробнее об этой коллекции см.: [Народы Кавказа 1981: 53].

близить написание своего имени к его арабскому оригиналу. Ни в одном из словарей дагестанских языков это имя не включается в число арабизмов, однако его следует считать таковым. Имя Лабазан могло быть образовано из Рамадан согласно законам перехода звуков арабского языка в звуки дагестанских языков. Косвенным доказательством арабского происхождения этого антропонима служит имеющееся в ряде дагестанских языков арабское заимствование «вай, Лабазан-Алла!» в значении «ой, как здорово!»⁹.

Надпись № 2 (МАЭ, № 5842–20)

ا ح ١ ١٣١٩

Перевод: «1319» (г. по хиджре)

Два слова вырезаны на деревянной мерке *сах* (авар. *сахI*), приобретенной в 1945 г. известным этнографом Е.М. Шиллингом в аварском селении Гочоб Чародинского р-на Дагестана. Слово справа однозначно означает дату изготовления мерки по мусульманскому летоисчислению — 1319 г.х. = 1901–02 г. н.э. Слева от него вырезано три знака, напоминающие отдельно стоящие арабские буквы *ха* и *алиф* (или цифра «1»), перед которыми поставлен значок, который можно определить как несколько видоизмененную букву *айн* с *алифом*. Можно предположить, что перед нами владельческий знак. Почерк, которым написаны оба слова, представляет собой типичный дагестанский насх начала XX в. К этому времени под влиянием контактов с русской администрацией Дагестанской области изменилось написание некоторых арабских цифр. В частности, встречающаяся в правой части надписи цифра «9» записана на «русский манер», ее нижний конец прочерчен не вертикально, как писали до середины XIX в., а загнут влево.

Обе части этой владельческой надписи с датой находятся на верхней части задней стенки мерки узкого сосуда прямоугольной четырехгранной формы с едва округлыми стенками и вставным дном. Сосуд вырезан из сосны. Древесина сильно потемнела от сажи, которой был выкрашен сосуд. Интересно, что все три наружные стенки мерки покрыты мелкой линейной выемчатой резьбой из геометрических узоров, в основном ромбов и треугольников. Узоров нет лишь на днище и на задней стенке, где находятся арабская дата с владельческим знаком. Сосуд использовали, чтобы отмеривать муку и зерно. Когда им не пользовались, то подвешивали на стену за деревянное ушко, находившееся над надписью. Когда от ушка сосуда отвалился кусок, то его заменили веревочной петлей. Таким образом, обычно дата и владельческий знак на мерке были обращены к стене и не были видны.

⁹ Авторы настоящей работы признательны московскому лингвисту М.Е. Алексееву за данный пример и другие приведенные им доказательства в поддержку их гипотезы. О правилах перехода арабских согласных в дагестанские, в частности *дад* в *зе*, *мим* в *бе* см.: [Забитов 2001: 150–181].

Надпись № 3 (МАЭ, № 5842–21)

صاحب هذا البن
شيخل محمد

Перевод: «Владелец этого изделия Шейхов Магомед»

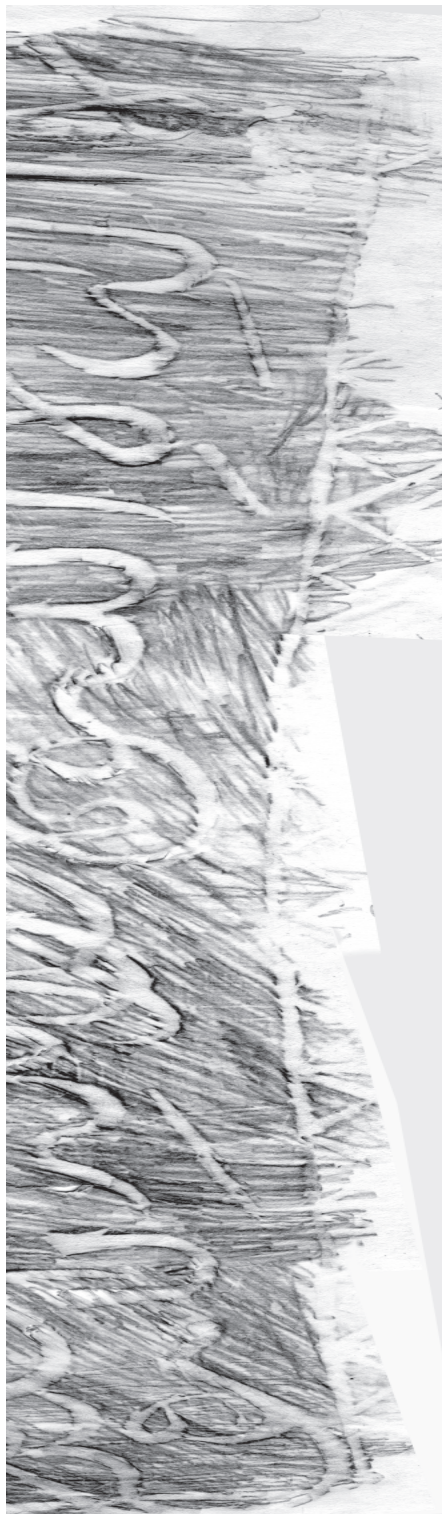
Этот текст вырезан на мерном сосуде (авар. *тIухоцел*). Его тип можно определить как каллиграфическую декоративно-владельческую надпись. Текст разбит на две части. Правая заключена в круглый картуш и написана по-арабски. Она гласит: «Владелец этого изделия (б-н ?)». Конец фразы вписан в ромб слева от нее арабскими буквами по-аварски: «Шейхов Магомед (авар. *Шайхил МухIамад*)». Правая часть надписи образует несложную вязь. Мастеру удалось изящно вписать в круг дуги букв *ба*, *зал*, *нун*. Буква *дал* в аварской части надписи красиво повторяет формы *лама*. В отличие от принятого в арабской эпиграфике расположения текстов слева направо и снизу вверх, в данном случае надпись идет слева направо и сверху вниз. Вместе с тем отдельные слова выписаны снизу вверх. Например, конец слова «владелец» (араб. *сахиб*) надписан над его началом, содержащим букву *сад* с *алифом*. Почерк всей надписи — опять же дагестанский *наسخ*. Время ее создания можно ограничить первой третью XX в.

Мерка сделана из горной сосны и входит в упомянутую выше коллекцию, собранную Е.М. Шиллингом в 1945 г. в селении Гочоб. Это окрашенный в светло-бурый цвет сосуд цилиндрической формы с вставным дном. Он весь покрыт геометрическими узорами с часто повторяющимися солярными символами (шестилепестковые розетки). Пояс из перекрещивающихся полукружий разделяет мерку на два поля. Надпись находится снаружи в нижней части сосуда, находящейся под ушком, за которое мерку вешали на стену. Узоры верхнего и нижнего полей сосуда повторяют друг друга. Арабо-аварская надпись хорошо вписывается в общий рисунок геометрических узоров на мерке. Картуш, в который вписана ее первая часть, аналогичен кругу с шестилепестковой розеткой под самым ушком в верхнем поле сосуда. Справа к картушу примыкает второй ромб, но заполненный уже не арабографичным текстом, а геометрическими узорами.

Надпись № 4 (РЭМ, № 8580–1)

لا إله إلا الله ومحمد رسول الله
صلى الله عليه وسلم

Перевод: «Нет божества кроме Аллаха и Мухаммад —
посланник Аллаха».
«Да благословит его Аллах и приветствует!»

Надпись. № 4 (РЭМ, № 8580-1).

Перед нами чисто декоративная надпись, вырезанная на сделанной из светлого дерева (вероятно, сосны) деревянной мерке сах (авар. сахI). Благочестивый мастер украсил ее арабским текстом *шахада* — основой символа веры в исламе. Это известная формула «Нет божества кроме Аллаха и Мухаммад — посланник Аллаха». После этой надписи по кругу идет другая стандартная формула славословия пророку Мухаммаду (араб. *таслийа*): «Да благословит его Аллах и приветствует!». Текст обеих формул, записанный дагестанским насхом, огласован. Он сливается в изящную вязь, опоясывающую собой мерку. Верхняя и нижняя части сосуда украшены геометрической резьбой, в которой преобладают треугольники. В отличие от рассматривавшихся выше мерок этот сосуд вешали на стену не за ушко, а за одно из двух отверстий для пальцев, прорезанных в ручке, приделанной к его верхней части. Он поступил в РЭМ в 1958 г. в составе коллекции, собранной у аварцев Т.П. Знамеровской. Точное место изготовления мерки не известно. Сделана она была задолго до середины XX в., возможно, в первой трети столетия. На это указывает, в частности, то, что сосуд раскололся и позднее был скреплен сверху и снизу толстой металлической проволокой.

Надпись № 5 (РЭМ, № 8761/6049 «д»).

عمل صاحبه هو عبد الله

Перевод: «Сделано ее владельцем Абдуллахом (Абдулой)»

Это декоративная владельческая надпись на мерке сах, вырезанной в селении Кубачи. Ее текст образует изящную арабскую вязь, выполненную

в технике низкого рельефа, напоминающей лучшие декоративные узоры на металлических изделиях кубачинских мастеров. Он гласит: «Сделано ее владельцем Абдуллахом (Абдулой)». Тем самым имя владельца является также и именем мастера. Как и в одном из рассмотренных выше случаев, текст идет слева направо и сверху вниз. Лишь отдельные слова, Абдуллах и «владелец» (араб. *сахиб*), выписаны в более привычном для арабской эпиграфики направлении снизу вверх. Почерк этой надписи — насх с элементами декоративного растительного узора. Сама надпись органично вписывается и чуть ли не сливается со сложным узором, покрывающим всю внешнюю поверхность мерного сосуда. Вязь, в которую сливаются слова надписи, образуют как бы корень большого гибкого стебля, увенчанного узкими резными листьями и цветами.

Как и большинство других надписей на деревянной посуде, этот текст не имеет даты. По ряду косвенных данных можно отнести ее к первой трети XX в. На это указывают как типичный для этого времени почерк и декоративный узор, так и то, что мерка поступила в РЭМ из Музея народов СССР в Москве. Имя собирателя и точное время поступления ее в Музей в описании коллекции не указано. Однако известно, что этот музей был расформирован уже в 1948 г. Коллекции Музея народов СССР собирались вплоть до самого начала Великой Отечественной войны [Смирнова 1989: 23]. Мерка представляет собой изящно выточенный довольно толстостенный сосуд из светлого дерева (вероятно, из горной сосны). У сосуда вставное дно. Его не вешали на стену. Отмеряя муку или зерно, мерку брали за широкую резную ручку, приделанную сбоку, справа от надписи.

Надпись № 6 (РЭМ, № 8303–56)

قربن ۱۳۵۰

Перевод: «Курбан 1350»

Эта датированная владельческая надпись состоит из двух слов, вырезанных на аналогичной предыдущей по размеру, но гораздо более убого выполненной мерке сах, поступившей в музей также из селения Кубачи. Снаружи на верхней части сосуда проставлена дата изготовления по хиджре — 1350 г. = 1931–32 г. н.э. Прямо под ней, ближе к дну, вырезано, вероятно, имя владельца мерки: Курбан. Можно предположить, что в данной транскрипции (без *алифа* между буквами *ба* и *нун*) это имя, хотя и имеющее арабское происхождение, написано в арабской графике по-кубачински: *Къурбан*. Все цифры и буквы текста выполнены насхом в единой грубоватой технике. Они образованы из врезанных в дерево близко стоящих друг к другу параллельных линий. Как и в предыдущем случае, текст, похоже, идет слева направо и сверху вниз. По крайней мере, конец имени Курбан подписан под его началом.

В отличие от описанной выше другой кубачинской мерки, на этом мерном сосуде отсутствует орнамент. Его единственным украшением является грубоватая надпись и насечка, идущая по верхнему краю мерки. Материал

сосуда тот же. Мерка имеет вставное дно. Никакой ручки у нее нет. Ее сохранность хуже предыдущей. От долгого использования она была расколота и скреплена тонким обручем из проволоки, проходящим ровно по ее центру. У нас нет полной уверенности в том, что мерка была изготовлена в Кубачи. Но использовалась она именно в этом селении. Сосуд поступил в РЭМ в 1973–1974 гг. от кубачинца Паши Ахмедханова, одного из наиболее активных корреспондентов и собирателей музейных коллекций советского времени. Наряду с меркой в коллекцию входят относящаяся к концу XIX — началу XX вв. деревянная утварь, одежда, инструменты, жезл старосты, использовавшиеся кубачинцами перед революцией и при советской власти, но не обязательно изготовленные в самом селении [Народы Кавказа 1981: 62].

* * *

На материалах даже единичных мерок с надписями, описанных нами выше, можно сделать некоторые обобщения, характеризующие не только эти, но и другие предметы деревянной утвари с текстами в арабской графике из собраний Москвы и дагестанских музеев. Данные арабографичной эпиграфики в чем-то подкрепляют, а в чем-то и дополняют изложенную выше типологию деревянной утвари аваро-андо-цезских народов.

Первое общее замечание относится к материалу, способам изготовления и украшения мерных сосудов. Подавляющее большинство рассмотренных нами предметов имеет цилиндрическую форму. Чаще они имеют вставное дно, реже (как в случае с сосудами для бузы) их вырезали из единого куска дерева. Древесина, из которой делали эти сосуды, легкая и довольно просто поддающаяся обработке. Л.И. Смирнова, описавшая немало предметов деревянной утвари из аваро-андо-цезских селений в собрании МАЭ, отмечает, что большинство из них «изготавливали из соснового дерева и окрашивали в темно-коричневый цвет особым красителем, приготовленным из сажи» [Опись колл. № 5997 1984: 5]. Эта характеристика подходит для всех рассматривавшихся мерок с надписями за исключением резко выделяющегося из общей массы кубачинского сосуда-сах из РЭМ.

Интересно, что арабографичные надписи наносили главным образом на небольшие деревянные мерки. Не известно ни одного случая, чтобы надпись была выбита на бокале или иной емкости для бузы. Из шести разобранных текстов только первый вырезан на солонке или поставце. Интересно отметить, что в описании музейной коллекции этот предмет был ошибочно определен как мерка¹⁰. Ошибка при идентификации каратинского поставца вероятно связана с утерей закрывавшей сосуд крышки, являющейся неслучайной принадлежностью чуть ли не всех поставцов. У мерок ее, как правило, нет. Кроме того, можно предположить, что этот сосуд использовали также и как мерку. Поэтому каратинцы, продавшие сосуд А.К. Сержпутовскому, могли определить его назначение как мерку, хотя изначально он служил поставцом. Наши полевые материалы и лингвистические данные говорят о полифункциональности некоторых предметов домашней деревянной утвари. Как уже отмечалось выше, аварские бокалы-

¹⁰ В описании колл. № 2034 в РЭМ этот экспонат определен как «мерка оул» (т.е. искаж. карат. оьол. — В.В.).

Горто могли служить не только для питья бузы, но и как подойник и мера объема сыпучих тел. Они вмещали одну треть мерки-кали [Аварско-русский словарь 1967: 203. Ср.: Дмитриев 1987: 88–101].

Собственно деревянные мерки представляют собой важный элемент горского быта. Их описание можно найти в целом ряде этнографических работ, наиболее детально они охарактеризованы в диссертации и публикации В.А. Дмитриева, одного из авторов настоящей статьи. На Северо-Восточном Кавказе встречается две основные формы таких мерок. Это либо плоский ковш-совок с длинной ручкой, либо высокий сосуд цилиндрической или прямоугольной формы. У аваро-андо-цезских народов Дагестана преобладала вторая форма мерок. Пожалуй, наиболее популярной меркой у них был сах (авар. и андо-цез. *saxI*), производный от арабского *sa'*, широко распространенного по всему мусульманскому Востоку [Хинц 1970: 59]. Мерки-сах составляют основу рассматриваемых нами коллекций РЭМ и МАЭ. Как правило, 5 и более сах составляли один кали (авар. *kʷali*, от араб. *kayl*). Последний определяли при помощи большого мешка из грубой домотканой материи. Такие мешки (авар. *kʷandalʷo*) на 15 и 20 сах имеются и в собрании РЭМ. В 1935 г. их привез из Гергебиля Е.М. Шиллинг [Шиллинг 1935: 77].

Несмотря на сходство терминов, обозначающих меры веса и объема аваро-андо-цезских народов, в них не было единства. Чуть ли не в каждом селении сах и кали определяли по-своему. Существовали «большие» и «малые» кали или киле. Аварцы Карахских селений различали «рыночный» и «шариатский сах». Последним исчисляли размер обязательной милостыни — *закята*. Он был в полтора раза меньше первого. Поэтому и в размерах деревянных мерок царит полный разнобой. В литературе можно нередко встретить определение сах и кали как мер веса или перевод их в метрические меры веса. Так, сах у аварцев обычно определяют в 2,5 кг. Подобные определения переходят из одной работы в другую [Аварско-русский словарь 1967: 275, 457; Дагестанские исторические сочинения 1993: 108; Халилов 1999: 226]. Это досадное недоразумение. На самом деле и кали, и сах представляли собой меры объема. К этой категории относятся все рассматриваемые в настоящей статье мерки: сахI и тʷухоцел. Музейные легенды, основанные на сведениях, собранных при приобретении мерок, говорят о том, что ими отмеривали разные сыпучие тела, овощи и фрукты, конечно же имеющие разный вес при одинаковом объеме. Чаще всего мерками сах брали муку или зерно из амбара-*цагʷур*. Меркой из коллекции РЭМ № 8303–56 отмеряли груши, яблоки или картошку, которые продавали на рынке селения Кубачи. То же можно сказать и о гергебильских мешках-кʷандалʷо размером в несколько сах. Согласно полевым материалам Е.М. Шиллинга, они «употреблялись для перевозки из фруктовых садов орехов, яблок, груш, кукурузы» [Шиллинг 1935: 77 об.].

Следует отметить своеобразный универсализм местной системы мер как из Горного Дагестана, так и из других регионов Северного Кавказа. Хотя их изначальной функцией было измерение объема, ими также пользовались для определения веса и площади. Значение мер сах и кали могло меняться в зависимости от конкретного случая их применения.

Вплоть до середины XX в. аваро-андо-цезские и прочие народы Горного Дагестана не вешали зерно, картофель и прочие сельскохозяйственные продукты на килограммы, но переводили их в местные сах и кали. Отсюда и происходит отмеченная нами выше ошибка в характеристике этих мер учеными. Еще любопытнее, что до революции 1917 г. и в первые десятилетия существования советской власти размеры садов и пашни измеряли количеством мерок (кали) зерна, которым засеивался тот или иной участок или же мерками зерна урожая, который обычно получали на нем. Подобная практика засвидетельствована как этнографами XX в. [Материалы по метрологии 1970: 167—182], так и арабскими документами XVI — первой трети XX вв.

Для доказательства нашего тезиса приведем один небольшой арабский документ из Нагорного Дагестана XVIII в., недавно обнаруженный одним из авторов настоящей статьи на полях сочинения ал-Газали «Бидайат ал-хидайа» из Рукописного фонда Института востоковедения РАН в Санкт-Петербурге¹¹. Этот трактат был крайне популярен на Северо-Восточном Кавказе и не раз переписывался там. Приписанный к нему документ представляет собой завещание с распоряжением о разделе имущества, в котором наследуемые земельные участки определены в мерках-кали получаемого с них зерна. Вот его перевод:

«Это разъяснение о разделе [имущества], оставленного покойной Хавой, и о доле ее детей Мухаммеда и Никила, Мухаммеда и Патимат (Фатима): кремневое ружье, пашка, котел [весом] в три *ратала*¹² вместе с небольшим котлом, три таза, материя курзук и зибб, девять подушек, кровать из дуба, браслет, два перстня-печатки из серебра, пахотный участок (*мазра'а*) в два кали, [расположенный] под хутором Адама, участок [размером] в три кали над кладбищем, участок в кали в [местности] Даддазиб и участок в кали в [местности] Шилисаб».

Использование мер объема вместо мер площади обрабатываемых угодий отмечено до 1920–40-х годов, когда их начали вытеснять занесенные русскими новые меры площади (дореволюционные аршины и метры). Сохранилось немало правовых актов рубежа XIX–XX вв., отметивших причудливое соединение местных и российских мер измерения площадей. Они касаются наследования, продажи и пожертвований на богоугодные цели (*назр*) полей и садов горцев. Возьмем для примера отрывок из типичного документа такого рода, любезно предоставленного одному из авторов настоящей статьи дагестанским этнографом Мамайханом Агларовичем Агларовым¹³. Это запись о пожертвовании-назр, сделанная состоятельной крестьянкой из с. Анди Захрат. Документ был зарегистрирован местным сельским судом (*диван ал-карйа*) 17 июня 1893 г.:

«Захрат дочь Батыра из Анди (*ал-Андиййа*) сделала богоугодное пожертвование, передав в назр своей дочери Патимат (дочери Хосена из Анди) свой пахотный участок (*мазра'ата-ха*) стоимостью 7 туманов¹⁴ в [местности] Гьучнисса, [что] под участком детей Хаджи-Булача и над руслом реки.

¹¹ Текст завещания находится на правом верхнем поле рукописи А–310, л. 102 об.

¹² Мера веса.

¹³ Документ хранится ныне в личном собрании М.А. Агларова в Махачкале.

¹⁴ Здесь 70 дореволюционных серебряных рублей из расчета 1 туман = 10 руб.

К югу от него высокий холм, а за ним — участок детей Будая¹⁵. На нем засевают 5 мерок (авар. къали) [зерна]. Его длина 120 аршин (*аршунан*), ширина — 86 аршин. Обет-назр [в отношении участка] был законно выполнен. Она также безвозмездно пожертвовала в пользу жителей селения согласно местному обычаю (*‘ала ‘адати-ха*) два своих пахотных участка, один из которых [находится] в Къалачу под участком Уммы и над участком Махада. К югу от него участок Базы, а за ним участок Умма-хана. На нем (участке. — В.Б.) засевают два кали [зерна]; его длина 62 аршина, ширина — 40 аршин, стоимость — 4 тумана. Другой [участок] в [местности] Цициуничи, под участком Гирея и над кладбищем. К востоку от него [проходит] коровья тропа, а на западе — участок Метара. Его длина 65 аршин, ширина — 27 аршин; стоимость — 4 тумана. Этот обет-назр будет выполнен в течение трех дней в случае ее (Захрат. — В.Б.) болезни и смерти <...>»

От XIX — начала XX вв. сохранились тысячи подобных документов, говорящих об устойчивой традиции измерения площадей мерами объема. В личном архиве одного из авторов этой работы имеется более сотни их копий. Это вне всякого сомнения массовый и содержательный, но, к сожалению, еще не введенный в научный оборот материал.

Возвращаясь к арабографичным надписям на деревянной утвари из аваро-андо-цезских селений, нужно отметить, что их материалы проливают свет не только на функции этих предметов в повседневной жизни горского общества, но и на художественные особенности их резного орнамента. Краткую и емкую характеристику этого стиля оставил неоднократно цитировавшийся нами Е.М. Шиллинг, собиратель и прекрасный знаток деревянной утвари аварцев, андийских и цезских народов.

«Все предметы, — писал он о собранной в 1946 г. в восточных районах Аварии коллекции, — представляют хорошие образцы орнамента стиля дагестанского примитива, еще мало изученного. Лишь один предмет, ругджинская ступка, обработан изящным лепестковым узором, представляющим другой пласт дагестанского орнамента, — стиль, близкий к золоткузничным узорам, далеко не примитивным, примыкающим к искусству народов Закавказья и смежных стран Ближнего Востока» [Шиллинг 1935: 1].

Эту характеристику можно с полным правом применить к нашим шести надписям. По своему исполнению они соответствуют общему художественному оформлению мерок и поставцов. Большинство арабографичных текстов стилизовано под геометрический узор на мерках. Общую выразительность деревянных сосудов, покрытых мелким геометрическим орнаментом, немало усиливает грубоватая скоропись, которой выполнены почти все надписи. Их почерк — это небрежный дагестанский *наسخ*, который также широко использовался в дореволюционном и раннем советском Горном Дагестане. Такой скорописью писали юридические документы. Ее же можно встретить в строительных надписях на стенах домов и мечетей. Из общего стиля выбивается только одна надпись (№ 5) из Кубачи, выполненная в изящном «кубачинском стиле», характерном для художественной обработки не дерева, а металла. Кубачинские мастера любили стилизовать

¹⁵ Здесь и далее в документе говорится о полях на террасах, амфитеатром спускающихся к долине реки.

узоры на любом твердом материале под металл. Об этом говорят сохранившиеся от позднего средневековья декоративные надписи в «кубачинском стиле» на камне. В сентябре 2001 г. одному из авторов настоящей статьи довелось видеть такие надписи на доме З. Сулейманова в селении Хури Лакского района. Они представляют собой обрывки вязи со славословиями Аллаху и выполнены в технике низкого рельефа.

Вырезая арабографичные тексты на деревянной мерке, мастер обязательно учитывал декоративное значение сосуда и той части дома, где он находился (обычно у очага с богато орнаментированной посудной стеной-*гьюмер*). Поэтому надписи на мерках либо вплетают в общий орнамент, дополняя и усложняя его, либо наоборот прячут на задней стенке мерки, обращенной к стене и не заметной посетителю аварского дома. Как показывают разобранные выше надписи, мастера старались скрыть владельческие надписи и даты. Так, на мерке № 5842–20 из собрания МАЭ они помещены на лишенной орнамента задней стенке, прямо под ушком, за которое сосуд вешали на стену. На цилиндрических каратинской мерке-поставце (РЭМ, № 2034–60) и мерке-тIухоцел из Гочоба (МАЭ, № 5842–21) имена владельцев вписаны в покрывающий сосуды геометрический узор и совершенно теряются в нем. То же можно сказать и о кубачинской мерке из Московского музея народов СССР, поступившей в РЭМ (№ 8961/6049 «д»). Декоративные благочестивые надписи, как в случае с шахада и таслийа, вырезанных на аварской мерке-сахI (РЭМ, № 8580–1), наоборот, занимают все поле сосуда.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что надписи в арабской графике на дагестанской деревянной утвари характеризуют довольно поздний, но уже исчезнувший пласт культуры горцев. Как мы видели, вообще большинство предметов деревянной утвари аваро-андо-цезских народов датируется эпохой после русского завоевания Дагестана. Относятся все они к эпохе дореволюционных и ранних советских реформ середины XIX — первой половины XX. На это указывают имеющиеся на некоторых из них даты (по хиджре). В надписи № 5842–20 из МАЭ указан год изготовления мерки — № 1319/1901–02, на стенке мерки № 8305–56 из РЭМ стоит 1350/1931–32 г. Вместе с тем ремесленные изделия оставались в употреблении и после преобразований XIX—XX вв. Особенно верно это замечание по отношению к меркам. В частности, одному из авторов настоящей статьи довелось видеть в Чечено-Ингушетии деревянную мерку-совок, сделанную в 1970-е годы. В андо-цезских районах Северо-Западного Дагестана до сих пор встречаются деревянные лари-срубы (анд. *гьинкIуш*, багв. *гьекIош*) для хранения муки, мяса и других продуктов.

Только в последней трети XX в. владельческие и декоративные надписи на мерках в арабской графике выходят из употребления. К этому времени в горах исчезают и сами мерки. Они перекочевали от очагов старых каменных домов в запасники государственных музеев. Сейчас старую деревянную утварь уже не встретишь ни в аваро-андо-цезских селениях в Горном Дагестане, ни тем более в переселенческих поселках на равнине. Налицо отмирание целого пласта народной материальной и духовной культуры или его музеефикация, если пользоваться популярным термином, давно

уже прижившимся в западной этнографии (П. Фицпатрик). Не удивительно, что и все прочие рассматриваемые в нашей статье предметы деревянной утвари уже несколько десятилетий не употребляются горцами. Их вытеснила современная утварь фабричного производства.

Библиография

- Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958. Т. 1. Л., 1961. Т. 2.
- Абаев В.И. Нартовский эпос осетин // Абаев В.И. Избранные труды: Религия, фольклор, литература. Владикавказ, 1990.
- Абдурахман из Газикумуха. Китаб ат-тазкира... (Книга воспоминаний). Махачкала, 1997.
- Аварско-русский словарь / Сост. М.-С. Саидов. М., 1967.
- Агларов М.А. Андийская группа народностей. XIX — начало XX в. (Историко-этнографические очерки): Дис. канд. истор. наук. Махачкала, 1965 // Рукопис. фонд Ин-та истории, археологии и этнографии Дагестан. науч. центра. Ф. 3. Оп. 3. № 67.
- Александров А., Лобанов С. Заметки из путешествия по Дагестану // Этнограф. обозр. 1910. № 1/2.
- аль-Карахи М.Т. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах / Пер. и коммент. А.М. Барабанова и Т.М. Айтберова. Махачкала: Библиотека Фонда Шамиля, 1990. Ч. I, II.
- Аутлев П.У., Алибердов Т.Д. О народной метрологии адыгов (черкесов) // Уч. зап. Адыгейского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Майкоп, 1968. Т. 8.
- Бардавелидзе В.В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957.
- Баширов А. Резьба по камню и дереву в Дагестане // Художественная культура Советского Востока. М.; Л., 1931.
- Бдоян В.А. Армянские солонки с фигурой женщины как конспирация статуй богини Анахит // Материалы по этнографии Грузии. Тбилиси, 1972. Т. 16–17.
- Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движения и физиологии активности. М., 1976.
- Булатова А.Г. Лакцы (XIX — начало XX в.): Историко-этнографический очерк. Махачкала, 1971.
- Гаглойти Ю.С. Скифская «чаша героев», нартская «уацамонга» и осетинский «нуазан» // Краткое содержание докл. Среднеазиатско-кавказских чтений-1989. М., 1990.
- Гаджиев М.Г. К изучению искусства ранних земледельцев Дагестана // Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала, 1990.
- Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX — начале XX в. М., 1985.
- Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. М., 1967.
- Гулиев Г.А. Система народной метрологии в земледельческой культуре Азербайджана в XIX–XX вв. // Азербайджанский этнографический сборник. Баку, 1977.
- Давидович Е.А. Материалы по метрологии Средней Азии. М., 1970.
- Дагестанские исторические сочинения / Сост. А.Р. Шихсаидов, Т.М. Айтберов, Г.М.-Р. Оразаев. М., 1993.
- Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей // Изв. Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ. 1929. Вып. 2.
- Даутова Р.А. Изготовление деревянной посуды вайнахами в эпоху позднего средневековья (по материалам Малхисты и Майсты) // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.
- Дебилов П.М. Резьба по дереву в Дагестане. М., 1966.
- Дебилов П.М. Резьба по дереву в Дагестане. М., 1982.
- Дебилов П.М. Резьба по дереву в интерьере дагестанского жилища // Зодчество Дагестана. Махачкала, 1974.
- Джавахишвили И. Материалы к истории материальной культуры грузинского народа. Тбилиси, 1965.

- Джапаридзе П.И.* Очерки по истории грузинской народной метрологии. Тбилиси, 1973. (на груз. яз.).
- Джатиев Р.Г.* Двойные сосуды из склеповых погребений // IV Крупновские чтения по археологии Кавказа: Тез. докл. Орджоникидзе, 1974.
- Дмитриев В.А.* Метрические представления в производстве деревянной посуды у народов Северного Кавказа // Промыслы и ремесла народов СССР. Л., 1987.
- Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М., 1976.
- Забитов С.М.* Арабизмы в восточнокавказских языках. М., 2001.
- Смирнова Л.И.* Коллекционные и архивные материалы Е.М. Шиллинга и библиография его трудов // Сб. МАЭ. Л., 1989. Т. 43.
- Завадский А.М.* Поездка вверх по Андийскому Койсу // Изв. Кавказ. отд. Импер. Рус. географ. об-ва. 1903. Кн. 16. Вып. 5.
- Исламов А.А.* Пережитки первобытнообщинного (материнско-родового) уклада у чеченцев и ингушей: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Тбилиси, 1973.
- История, география и этнография Дагестана.* XVIII — XIX вв.: Архив. материалы / Под ред. М.О. Косвена, Х.М. Хашаева. М., 1958.
- История Дагестана.* М., 1968.
- Карачаевцы:* Историко-этнографический очерк / Под ред. Л.И. Лаврова. Черкесск, 1978.
- Карпов Ю.Ю.* Персонажи шайтлинского праздника игби: атрибуты костюмов и общественные функции // Памятники традиционно-бытовой культуры населения Средней Азии, Казахстана и Кавказа: Сб. МАЭ. Л., 1989. Т. 43.
- Карпов Ю.Ю.* К интерпретации одного изобразительного сюжета на надмогильных памятниках Дагестана // Кунсткамера: Этнограф. тетради. 1994. Вып. 5–6.
- Карпов Ю.Ю.* Джигит и волк: Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996.
- Карпов Ю.Ю.* «Рогатые» деревянные сосуды Западного Дагестана // Кунсткамера: Этнограф. тетради. 1998. Вып. 12.
- Карпов Ю.Ю.* Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб., 2001.
- Кауфман И.И.* Русский вес. Его развитие и происхождение. СПб., 1906.
- Киквидзе Я.А.* Земледелие и земледельческий культ в древней Грузии (по археологическим материалам). Тбилиси, 1988.
- Котович В.М.* Образ богини-матери в древних писаницах горного Дагестана и некоторые параллели ему в мифологии и фольклоре // Фольклор и историческая действительность: Тез. докл. Махачкала, 1976.
- Кушнарева К.Х., Чубинашвили Т.Н.* Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1979.
- Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1947. № 2.
- Львов Н.* О нравах и обычаях дагестанских горцев // Кавказ. 1867. № 70.
- Магомедов Р.Г.* Культовые сосуды из Великентского катакомбного могильника // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала, 1986.
- Маргграф О.* Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882.
- Материалы по метрологии народов Дагестана* // Вопросы истории Дагестана (досоветский период): Сб. ст. Махачкала, 1970. Вып. I.
- Материальная культура аварцев.* Махачкала, 1967.
- Милер Вс. Ф.* Осетинские этюды. Вып. 1. М., 1881.
- Миллер А.А.* Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана // Материалы по этнографии. Л., 1927. Т. 4. Вып. 1.
- Мовчан Г.Я.* Камень и дерево в старинном жилище Аварии // Сов. этнография. 1969. № 3.
- Мовчан Г.Я.* Социологическая характеристика старого аварского жилища // Кавказ. этнограф. сб. М., 1972. Вып. 5.
- Мовчан Г.Я.* Композиция и образ в древнейших архитектурных памятниках Аварии // Зодчество Дагестана. Махачкала, 1974.
- Мусаева М.К.* Хваршины. XIX — начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1995.
- Народы Кавказа:* Каталог-указатель этнографических коллекций. Л.: Государственный музей этнографии народов СССР, 1981.

- Народы России*: Энциклопедия. М., 1994. Статья «Хваршины».
- Омаров А. Воспоминания муталима // Сборник сведений о кавказских горцах. 1869. Вып. 2.
- Омаров А. Как живут лаки // Сборник сведений о кавказских горцах. 1870. Вып. 4. *Опись коллекции* № 5842 // Архив отдела Кавказа МАЭ.
- Опись коллекции* № 5997 // Архив отдела Кавказа МАЭ.
- Очерк современного положения *дидоев* (по материалам этнологической реконструкции 1926 г. А.Г. Данилина, К.Г. Данилиной, Л.Э. Каруновской) // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 135. Оп. 2. № 100.
- Петербургская кухня* / Сост. Р.Б. Криворогов. СПб., 1994.
- Погребова М.Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977.
- Пруидзе Л.А. Виноградарство и виноделие в Грузии. Тбилиси, 1974.
- Рукописный фонд* Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Махачкала. Ф. 16 (арабские письма). Оп. 1. № 1914, № 7882.
- Свечин Д.И. Очерк народонаселения, нравов и обычаев дагестанцев // Зап. Кавказ. отд. Импер. Рус. географ. об-ва. 1853. Кн. 2.
- Сергеева Г.А. Арчинцы. М., 1967.
- Сергпутовский А.К. Поездка в нагорный Дагестан // Живая старина. 1916. Вып. 4.
- Таварткиладзе И.Н. Грузинские лари-скиври // Сов. этнография. 1965. № 5.
- Тотоев Ф.В. Состояние обмена и торговли в Чечне (вторая половина XVIII — начало XIX) // Изв. Сев.-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе, 1964. Т. 25.
- Устюгов М.В. Очерки древнерусской метрологии // Исторические записки. М., 1946. Вып. 19.
- Халидова М.Р. Мифологические образы в устной прозе народов Дагестана // Мифология народов Дагестана. Махачкала, 1984.
- Халилов М.Ш. Цезско-русский словарь. М., 1999.
- Хан-Магомедов С.О. Рутульская архитектура. М., 1998.
- Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. Характер сословных отношений в горной Ингушетии // Кавказ. этнограф. сб. Тбилиси, 1968. Т. 2.
- Хашаев Х.М. Занятия населения Дагестана в XX в. Махачкала, 1959.
- Хашаев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961.
- Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. М., 1970.
- Чибиров Л.А. Осетинское народное жилище. Цхинвали, 1970.
- Чиковани Г.Д. Осетинский ныхас // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1979. Т. 5.
- Чочиев А.Р. Очерки истории социальной культуры осетин. Цхинвали, 1985.
- Чурсин Г.Ф. Авары: Этнограф. очерк. Махачкала, 1995.
- Шиллинг Е.М. Музейные легенды к коллекции, собранной в 1935 г. для Музея народов СССР в Дагестане // Архив РЭМ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 85.
- Шиллинг Е.М. Балхар. Женские художественные промыслы дагестанского аула Балхар. Пятигорск, 1936.
- Шиллинг Е.М. Изобразительное искусство народов Горного Дагестана // Доклады и сообщения истор. ф-та Моск. гос. ун-та. М., 1950. Кн. 10.
- Шиллинг Е.М. Малые народы Дагестана. М., 1993.
- Шостын Н.А. Очерки истории русской метрологии. XI — начало XX века. М., 1990.